

ВИКТОР ТЮРИН

ЦЕЛНУЙ ПЕС
САМОДЕРЖАВИЯ

Боевая фантастика (АСТ)

Виктор Тюрин

Цепной пес самодержавия

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Тюрин В. И.

Цепной пес самодержавия / В. И. Тюрин — «АСТ»,
2017 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-106185-2

Сергей Богуславский не только старается найти свое место в новом для себя мире, но и все делает для того, чтобы не допустить государственного переворота и последовавшей за ним гражданской войны, ввергнувшей Россию в хаос. После заключения с Германией сепаратного мира придется не только защищать себя, но и оберегать жизнь российского императора. Создав на основе жандармерии новый карательный орган, он уничтожит оппозицию в стране, предотвратит ряд покушений на государя, заставит народ поверить, что для российского правосудия неприкасаемых больше нет, доказав это десятками уголовных процессов над богатыми и знатными членами российского общества. За свою жесткость и настойчивость в преследовании внутренних врагов государства и защите трона Сергей Богуславский получит прозвище «Цепной пес самодержавия», чем будет немало гордиться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106185-2

© Тюрин В. И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Виктор Тюрин

Цепной пес самодержавия

Глава 1

Свою поездку на Сестрорецкий оружейный завод, в роли вдохновителя и организатора, я оценивал ниже среднего уровня, но при этом надеялся, что моя идея по созданию конструкторского бюро со временем себя окупит. Логично было подождать результатов, но вопреки этому начал вспоминать и записывать в тетрадь, что читал о самолетах и их конструкторах. К этому направлению меня подтолкнуло мое «открытие в химии» – дюраль. К сожалению, конкретных данных у меня на эту тему было немного, просто в свое время после просмотра сериала «Истребители» я резко заинтересовался воздушными боями и действиями боевых летчиков времен Великой Отечественной войны, а заодно параллельно прошелся по истории создания самолетов в России. После некоторых копания в памяти у меня выстроился такой информационный ряд: «Илья Муромец», Игорь Иванович Сикорский, потом истребители И-15/И-16, Поликарпов Николай Николаевич, штурмовик Ил-2, Ильюшин Сергей Владимирович, самолеты Ту, Туполев Андрей Николаевич, реактивная авиация, Сухой Павел Осипович.

Если с поиском Сикорского проблем не было – это имя было на слуху вместе с его детищем «Ильей Муромцем», то где искать остальных, не имел ни малейшего понятия. После некоторых раздумий я отправился в Публичную библиотеку, где узнал, что в Санкт-Петербургском политехническом институте есть постоянные курсы воздухоплавания. Их целью была подготовка инженеров в области проектирования и постройки воздухоплавательных аппаратов и двигательных механизмов для них. Узнав об этом, сразу подумал: почему бы из них не подобрать людей для КБ?

«Не торопись, парень». Последовав своему собственному совету, я расширил поиски и узнал, что в Москве есть Императорское высшее техническое училище, в котором изучают конструирование аппаратов тяжелее воздуха, и есть профессор Жуковский Николай Егорович, который возглавляет организованный им кружок воздухоплавания. Недолго думая, телефонировал в Москву, где в разговоре с секретарем училища неожиданно всплыла знакомая мне фамилия Андрея Туполева. От него мне также стало известно, что в России уже есть Аэродинамический институт, который основал Дмитрий Рябушинский в своем имении Кучино под Москвой, вместе с профессором Жуковским.

«Не ожидал. М-м-м... Значит, база, оказывается, есть... осталось собрать там умников и дать им денег на эксперименты» – и я решил отправить запрос, со списком известных мне фамилий будущих авиаконструкторов, в эти учебные заведения. Чтобы ускорить дело, решил воспользоваться помощью Собственной его императорского величества канцелярии, у которой в отношении меня был личный приказ императора об оказании мне любой помощи.

Выслушав меня, чиновник, – судя по петлицам, он был в ранге титулярного советника, – пожилой человек с обширной лысиной и солидным брюшком, принялся сразу за дело.

Сначала протелефонировал в секретариаты обоих заведений и, представившись, попросил как можно быстрее отыскать в архивах или списках студентов людей, фамилии которых я ему дал, при этом не забыв отметить, что лица, указанные в списке, обязательно должны иметь отношение к воздухоплаванию. Положив трубку, он сразу предупредил меня:

– Скоро найти их не получится, господин Богуславский, как бы мы ни хотели. Два-три дня уйдут на поиски интересующих вас лиц, потом они напишут официальные справки и пришлют нам. Так что приходите дней... через восемь. Думаю, что к этому времени ответы будут лежать у меня на столе. Это все, что вам нужно?

– Да, и спасибо вам. Право же, не ожидал столь быстрой помощи, – решил я польстить чиновнику, так как действительно не ожидал такого быстрого разрешения вопроса, и уже начал оборачиваться, чтобы уйти, как чиновник негромко хмыкнул. Посмотрел на него.

– Знаете что, я бы на вашем месте отправил еще запрос в жандармское управление, – неожиданно сказал он.

– Зачем? – удивился я.

– Молодые люди в наше время ни бога, ни царя не боятся. Свободу им подавай! Так вот студенты из них, самые что ни есть вольнодумцы! Гм! Я что хотел сказать: они, будучи студентами, могли быть отчислены за свои вольные высказывания, а в таком случае их нынешние адреса проживания в деле жандармского следователя искать следует.

– Вот что значит знать свое дело! А я бы и не догадался!

Чиновнику мое восхищение его деловитостью так понравилось, что он не смог скрыть самодовольной улыбки.

– Вы идите. Идите, господин Богуславский. Все, что надо, я сам сделаю.

Уйти просто так из дворца не удалось, видно, царю доложили о моем визите в канцелярию. Адьютант, ожидавший на выходе, проводил меня к двери кабинета, хотя теперь в этом не было нужды, так как за последний год я довольно хорошо изучил хитросплетения коридоров и залов императорского дворца. После приветствия он поинтересовался причиной моего визита в канцелярию, после чего наш разговор перешел в оживленную беседу о роли воздухоплавательных аппаратов. Николаю II, как и большинству людей того времени, была интересна идея воплощения заветной мечты человека. Мне не сложно было поразить его воображение рассказами о сверхзвуковых истребителях и о пассажирских лайнерах, перевозящих пассажиров в различные страны мира, но пока не видел в этом смысла.

«Придет время – расскажу».

Зная о его любви к армии, я больше упирал на военный аспект развития авиации, пытаюсь доказать, что война в будущем потребует современных аэропланов и опытных авиаторов и чем быстрее мы наладим выпуск самолетов, тем больше у нас шансов на победу. После того, как император внимательно выслушал мои доводы, он поинтересовался:

– А этот новый металл действительно настолько прочен и легок, что его можно будет применять в воздухоплавании?

– Да, ваше императорское величество. Он станет основным строительным материалом для само... аэропланов.

– Вы сказали, что такие аэропланы будут летать быстрее, но, насколько я могу понять, в таких случаях все зависит от мощности мотора, а их мы покупаем во Франции. Кстати! Вы могли бы поговорить о развитии воздухоплавания с великим князем Александром Михайловичем. Хотя тот и имеет адмиральское звание, но при этом является шефом Императорского военно-воздушного флота. Думаю, что если вы изложите ему свои мысли, он будет рад вам помочь.

– Не думаю, ваше императорское величество. Подобными делами должны заниматься профессионалы, а не дилетанты.

Император бросил на меня неодобрительный взгляд, но возмущаться, как раньше бывало, не стал. Мою, мягко скажем, нелюбовь к великим князьям он со временем воспринял так же, как и негативное отношение супруги к своей матери. Просто принял как факт.

– Значит, хотите организовать воздухоплавательное... гм... инженерное бюро, – император затушил папиросу в серебряной пепельнице. – Все это, конечно, весьма интересно. Да-с. Интересно. Так вы говорите, что такой сплав уже есть в Германии?

– Да, ваше императорское высочество, но, судя по всему, они его засекретили.

– Засекретили, – повторил за мной задумчиво император и бросил на меня новый внимательный взгляд. Похоже, он уже давно пришел к мысли о том, что мне известно намного

больше, чем говорю. – Что ж, и мы так сделаем. Видел ваш рисунок аэроплана. Он очень необычен. И у меня появился вопрос: его крылья полые или отлиты полностью из вашего сверхлегкого металла?

– Полые, ваше императорское высочество.

– Форма корпуса аэроплана довольно необычная. Как вы тут изволили выразиться: обтекаемая. Гм, – он помолчал, подумал, потом сказал: – Только вот эти люди, которых вы хотите разыскать, они уже чем-то известны?

– Это будущие конструкторы аэропланов, им только надо этому подучиться.

– Подучиться, говорите? Хм! Так они не инженеры?

– Нет, – я напряг свою память, но толком так ничего не удалось вспомнить, и я решил обойтись одним общим словом. – Студенты.

– Ах, вот как. Тогда понятно, почему их имена еще не утвердились на поприще воздухоплавания. Вот только мне невдомек, чем вам курсы воздухоплавания не угодили? Там, как мне известно, также дают знания будущим авиаторам.

– Они, как я понял, ваше императорское величество, больше готовят людей, непосредственно работающих с летательными аппаратами, то есть инженеров, которые будут заниматься ремонтом аэропланов, ну и подготовкой авиаторов. Нам же нужны светлые умы, которые могут смотреть вперед и уметь создавать летательные аппараты завтрашнего дня.

– Как вы сказали? Летательные аппараты завтрашнего дня? Хорошо сказано. Только я все же думаю: пусть ваши будущие светлые умы подучатся, а тогда и будем создавать бюро, которое будет строить аэропланы будущего. Вы должны понять: идет война. Где взять денег? Будь сейчас мирное время, я, не задумываясь, отдал бы распоряжение о создании, но какой смысл заниматься этим сейчас? Ведь их работа затянется на годы, да еще неизвестно, какой будет результат. Вы об этом думали?

– Да, ваше императорское величество, думал, но вот в чем причина моей торопливости: чем раньше мы начнем работы по разработке и конструированию новых аэропланов, тем быстрее получим результаты. Поверьте мне: другие страны прямо сейчас работают в области развития воздухоплавания. Если германцы засекретили дюраль, то сделали это не просто так. Полагаю, что они уже приступили к постройке цельнометаллического самолета.

Я блефовал, но мне нужно было как-то вытащить из государя согласие. Он задумался. Снова закурил, и в кабинете поплыл сладкий запах турецкого табака. Какое-то время сидел, думал, время от времени затягиваясь табачным дымом, потом потушил папиросу и сказал:

– Негоже давать Германии преимущество, в чем мы уже изрядно убедились. Пусть будет так! Я отдам распоряжение, чтобы подготовили указ о создании конструкторского бюро по изобретению новых видов аэропланов.

Возвращаясь, я подумал, что если моя идея с конструкторским бюро окажется жизненной, то почему не пригласить поработать в Россию иностранных специалистов. На памяти у меня пока было четыре фамилии немецких авиаконструкторов и оружейников, о которых мне доводилось читать: Вилли Мессершмидт, Хуго Юнкерс, Луис Штанге, Генрих Фольмер. Правда, об их приглашении в Россию приехать прямо сейчас не могло быть и речи, но с заключением сепаратного мира с Германией многое должно измениться.

Думалось, что из измотанной войной Германией их будет нетрудно заманить в Россию, посулив им спокойную и хорошо оплачиваемую работу.

Все политические новости и общественные настроения, по большей части, я получал из одного источника, от Пашутина. Именно от него и услышал о крамольных разговорах в Думе, в которых нетрудно угадать наброски будущего заговора – покушения на самодержца России.

Во время одного из таких разговоров я поинтересовался у подполковника о том, что тот думает по поводу подобных выступлений, на что получил ответ, который в какой уже раз подтвердил мое мнение о нем как о человеке, всем сердцем преданным родине:

– Знаешь, Сергей, мои предки уже два столетия служат роду Романовых, и не мне прерывать эту традицию, но при этом считаю, что у нас много чего нужно менять, уж больно управление страной негибкое и тяжеловесное, а это есть прямая возможность для всякого вида лжи, укрывательства и казнокрадства! Императору давно пора навести порядок твердой рукой! Те речи, что сейчас с думских трибун ведутся, считаю чистой воды демагогией! Дескать, поменяем правительство и заживем счастливо. Как бы не так! Этими словами господа демократы себе путь к кормушке расчищают! Ведь в большинстве своем все они богатые люди, землевладельцы и фабриканты. Чего им сейчас не хватает? Как они и говорят: свободы. Вот только хотят они ее не для народа, а для своих шкурных интересов! Им не нужны указы государя, они не хотят больше просить, а хотят сами брать, без проса, без соизволения! А что эти самые либералы творят в Военно-промышленном комитете? Там же вор на воре сидит и воров погоняет! Только за это их можно через одного отправлять на виселицу! Я бы сам... – Пашутин вдруг неожиданно замолк, внимательно посмотрел на меня и спросил: – Тебе это все зачем, Сергей?

– Для общего развития, Миша. Хочу понять, почему открыто звучат подобные речи, печатают статьи, а главное, почему власть на это никак не реагирует?

– Что ж, попробую ответить. Дело в том, что наш государь по какой-то непонятной наивности искренне верит в своих генералов, верит в армию. Верит, что оппозиция не предаст его в это тяжелое время. Верит, что народ его всегда поддержит. Только вот что мне странно. Ведь ему должны регулярно докладывать о том, что творится в столице и стране. Тут, правда, сразу напрашивается вопрос: кто докладывает и в каком виде подают ему докладные записки? Может, все дело как раз в этом. Вообще, если честно, мне совершенно не понятно, что происходит вокруг. Что ни день, то новые назначения, то новые министры. Причем люди новые, не известные, не сановитые. Не один только я, все недоумевают по этому поводу. И это мы, вроде как знающие и разбирающиеся в политике, люди! А что тогда думать простому народу?! Правильно! Чем проще, тем лучше! Царица – немка, царя зельем поит, от которого он совсем разум теряет. Она немецкая шпионка, поэтому мы войну проигрываем. Что ты на меня так смотришь? Думаешь, глупости говорю?! Как тебе тогда такой пример? Недавно разговаривал со старым знакомым, подполковником – интендантом. Знаю его лет десять, не меньше. Так вот он мне на ухо шепчет: слухи появились, что из дворца налажена прямая связь с Германией. Ты понимаешь? Ведь это не приказчик какой-то, а полковник! Грамотный, знающий человек! Академия за плечами! Ты только подумай! Я вот что тебе скажу. Эти слухи-страхи не просто так появляются! Это сознательные провокации, направленные против царя и царицы!

– Кто за этим может стоять?

– Не знаю. Хотя догадки имеются.

Я ждал дальнейших объяснений, но не дождался. Видно, Пашутин посчитал, что подобные вопросы, касающиеся государственной безопасности, даже со мной он не вправе обсуждать. Больше мы на эту тему с ним не говорили, но разговор неожиданно получил продолжение на следующий день, правда, в другом месте, в кабинете царя. Разговор начался с уже привычного вопроса:

– Нового ничего не скажете?

– К сожалению, ничего, ваше императорское величество.

– Хорошо, – император взял из резной шкатулки папиросу, закурил. Он явно волновался, несмотря на то, что пытался держать себя в руках. В кабинете отчетливо пахло ароматным табачным дымом, а в серебряной пепельнице лежало уже три окурка. Стараясь не показывать своего возбуждения, он сосредоточенно курил, при этом пытался избегать моего взгляда. Заниматься догадками не в моих правилах, поэтому я просто ждал, что скажет император. Доку-

рив, он загасил окурок в пепельнице, потом встал, вышел из-за стола. Прошелся по мягкому ковру, из одного конца кабинета в другой. Раз. Другой. Затем неожиданно развернулся ко мне и заговорил:

– Сергей Александрович, вы говорили о возможности переломить судьбу... Мы... с женой решились! – несмотря на то, что я все делал для того, чтобы услышать эти слова, но все равно это признание прозвучало для меня неожиданно. – Ради наших детей! Моя семья, мои дети... Не знаю, что произойдет со мной или с Аликс, если с ними что-то случится! Они безвинны... и не заслужили подобного... Если есть за мной грехи, мне за них и отвечать! Жена и дети не должны страдать!

В любви царя к семье, мне так казалось, проскакивал некий фанатизм, наподобие его всепоглощающей и непоколебимой веры в Бога. Сейчас для меня это стало очевидным.

– Вы решились, а это главное.

– Сергей Александрович, надеюсь, вы понимаете, что, доверившись вам... – император сделал паузу и испытующе стал всматриваться в мое лицо, видно, в попытке понять: не делает ли он ошибки, а затем, спустя короткое время, продолжил, – мы вверяем в ваши руки не только наши жизни, а много большее – судьбу Российской державы.

В его голосе не было торжественности или величавости, которая присуща речам о свершении великих дел, ведущих к процветанию и миру страны, а тревога и страх человека, который спрашивает сам себя: правильно ли поручик Богуславский понимает, какая ответственность прямо сейчас ложится на его плечи?

Нервное волнение передалось от императора ко мне. Правильно ли я делаю, что пытаюсь повернуть историю? Ведь я не бог, а человек, который не застрахован от ошибок. Мне придется отвечать перед своей совестью за сломанные судьбы и гибель многих тысяч людей, так как подобные повороты истории не обходятся без человеческих жертв. Будут ли они оправданы? Стоило мне об этом подумать, как моя уверенность в том, что делаю все как надо, дрогнула.

«Ведь... Все! Хватит!»

Минуты мне хватило, чтобы взять себя под контроль, после чего я бодрым голосом отпартовал:

– Все будет хорошо, ваше императорское величество. Я вам обещаю.

Мой голос был излишне бодр, чтобы соответствовать истине, но, похоже, взволнованный до предела император ничего не заметил, и хотя он старался держать себя в руках, но папиросу зажег только со второй спички. С минуту нервно курил, потом сказал:

– Раз мы все решили, тогда давайте перейдем к делу. Вчера было получено письмо от Вильгельма. Встреча состоится в Стокгольме. Для большей уверенности он просит прислать представителем Татищева Илью Леонидовича.

– Он дипломат?

– Татищев был моим личным представителем при германском императоре четыре года, и Вильгельм его хорошо знает. К тому же генерал-адъютант далеко не невежда в подобных вопросах.

– От решения этого вопроса зависит очень многое, если не все, и поэтому прошу вашего соизволения мне также поехать в Стокгольм.

– Мне очень не хотелось бы вас отпускать, Сергей Александрович, но вопрос действительно важный, поэтому, прошу вас, будьте крайне осторожны.

– Если вы не возражаете, ваше императорское величество, то мне к этому делу хотелось бы привлечь подполковника Пашутина.

– У вас с ним разница в возрасте почти четырнадцать лет, но судя по всему вы, похоже, можете считаться друзьями. Сначала я недоумевал, но когда прочитал докладную его начальства, в которой говорится так: опытный и преданный своему делу офицер, но при этом склонен

к излишнему риску и имеет некую авантюристичность характера... Как и вы, не правда ли, Сергей Александрович?

– Наверно, ваше императорское величество.

– Наверно, – несколько задумчиво повторил за мной император. – Хорошо, я даю свое согласие, но при этом рассчитываю на вашу рассудительность, Сергей Александрович. Есть еще что-то по данному вопросу?

– Мы с подполковником познакомимся с Татищевым, но поедем порознь, словно незнакомые люди. Так будет лучше.

– Хорошо. Теперь мне хотелось бы услышать ваши предложения о том, что можно предпринять для недопущения вооруженного мятежа и восстановления спокойствия в державе.

– У меня есть соображения по этому поводу, ваше императорское величество, но если позволите, я выскажу их не сегодня, позже, еще раз обдумав. К тому же мне хотелось бы пригласить к этому обсуждению подполковника Пашутина. Он в прошлом служил в жандармском корпусе и сможет помочь разобраться в кое-каких тонкостях.

– Он знает о вашем даре?

– Нет. Сначала мне хотелось бы получить на это ваше разрешение.

– Даже не знаю, что и сказать, но судя по всему, вы, похоже, уверены в нем.

– Не так как в себе, но почти.

– Решайте сами, и если надумаете, то жду вас обоих завтра в семь часов вечера. Вы свободны, Сергей Александрович.

Придя домой, я позвонил по служебному телефону Пашутину, который мне как-то оставил подполковник. Домашний номер он мне не дал, объяснив тем, что дома практически не бывает, а если и есть, то или пьян, или с женщиной, поэтому не имеет привычки снимать трубку. Когда барышня соединила меня, мужской грубый голос ответил, что его сейчас нет на месте. Думал я недолго:

– Если у него найдется время, пусть перезвонит Богуславскому. Телефон он знает.

– Будет сделано. Передам.

Спустя час раздался звонок.

– Только вчера виделись, а ты уже успел по мне соскучиться?

– И тебе здравствуй, Миша!

– Здравствуй, Сергей! Времени мало, я к тебе вечером забегу. Там и поговорим. Хорошо?

– Договорились.

Положив трубку, я пошел на кухню, чтобы проинспектировать свои запасы. Сыр. Немного ветчины. Сушки. Варенье.

«Даже хлеба нет. Дожил».

Пришлось идти в гостиную и составлять список, с которым я отправился сначала в ресторан, а затем в магазин. В обоих заведениях я считался хорошим (не жадным) клиентом, поэтому получил все, что хотел, и даже немного больше. Этим добавком стала бутылка коньяка довоенного разлива, которую мне продали, несмотря на запрет, при этом даже сделали личную скидку, продав ее лишь по четырехкратной цене. Придя домой, я только начал раскладывать продукты, как раздался телефонный звонок.

«С работы он, что ли, раньше сорвался?» – подумал я, глядя на золотистый циферблат часов в массивном деревянном корпусе, висящих в гостиной.

Подойдя, поднял трубку.

– Сергей, ничего, если я с приятелем к тебе подойду?! Он из Москвы. Приехал к нам по делам. Мы с ним давно с ним не виделись, поговорить охота. Ты как?

«Некстати», – подумал я, а вслух сказал:

– Милости прошу к нашему шалашу!

– Вот что значит русский человек! Душа нараспашку! А ты, Саша, неудобно, неудобно! – судя по всему, это он говорил своему приятелю, стоящему рядом. – Сергей, жди! Мы сейчас берем извозчика и к тебе!

Спустя полчаса в дверь постучали. Открыв дверь, я неожиданно для себя увидел рядом с Пашутиным жандармского полковника в парадной форме. Тот, увидев каменное выражение моего лица, принял его как холодно-презрительное отношение армейского офицера к жандарму. Выдержка у полковника была отменная. Улыбка с его лица не исчезла, но при этом приобрела вежливо-холодное выражение. Пашутин сразу понял причину заминки и расхохотался. Жандарм только успел бросить на него взгляд, полный удивления, как я сказал:

– Хороший у вас приятель, господин полковник. Жизнерадостный и веселый, словно дитя малое. Не стойте в дверях, проходите. Знакомиться будем.

Удивленный и озадаченный полковник вошел в прихожую. За ним шагнул Пашутин. Я протянул новому гостю руку:

– Богуславский Сергей Александрович.

Он с опаской покосился на мою ладонь, потом осторожно протянул мне свою руку:

– Мартынов Александр Павлович.

«Где-то эту фамилию мне уже приходилось слышать. Вот только где?»

– Вот и познакомились. Господа, прошу к столу.

– Сергей, мы не просто так пришли, – раздался за спиной голос Пашутина. – Мы с собой принесли.

В ответ я саркастически хмыкнул. Пашутин вскинул голову и с некоторым удивлением спросил меня:

– Своим хмыканьем ты хочешь сказать, что у тебя дома есть коньяк?

– Есть. Поверишь мне на слово или показать бутылку?

– Ты позвонил мне сегодня в первый раз за все время нашего знакомства, а потом вдруг оказывается, что у тебя приготовлена бутылка коньяка. Что это может значить? Может, нас ожидает Содом и Гоморра и ты решил перед смертью напиться в нашей компании?!

– Напиваться – это чисто твоя привилегия.

– Интересное начало. Вот только каков будет конец?

– Там видно будет. Александр Павлович, милости прошу к столу.

Мартынов, уже понявший свою ошибку в отношении меня и теперь с видимым удовольствием наблюдавший нашу пикировку, кивнул в знак согласия головой и направился в сторону гостиной. Я пошел вслед за ним. Замыкал нашу цепочку Пашутин с пакетом в руках. Войдя в гостиную, он остановился возле стола, окинул его взглядом, потом посмотрел на меня. Теперь в его взгляде виднелось настоящее изумление.

– Коньяк. Паштет. Рыбка. Колбаска с ветчинкой. Ой, Саша! Чувствую, нас с тобой не Содом ожидает, а самый настоящий Армагеддон.

– Думаю, что кое-что и похуже, Миша. Тут со стороны кухни очень даже вкусный аромат плывет, – усмехнулся Мартынов и демонстративно потянул носом.

– Это не Богуславский, – дурашливо запричитал Пашутин. – Это демон, принявший образ людской! Изыди, нечистая сила!

– Изыди, демон, на кухню! – подхватил его игру полковник. – И принеси нам то, что там так вкусно пахнет!

После чего оба весело рассмеялись. Судя по всему, они были, как говорится в народе: два сапога – пара. Я стоял и ждал, когда они закончат веселиться. Мартынов, увидев мой взгляд, сразу перестал смеяться и виновато сказал:

– Ради бога! Извините меня, Сергей Александрович! Этот старый черт кого хочешь на грех подсобьет!

– Да брось ты, Саша! Сергей не обиделся. Это у него обычное выражение лица. Привыкай.

– Он прав, Александр Павлович. Пить с горячим будете или пока холодными закусками обойдетесь?

– Что у тебя там? – поинтересовался Михаил.

– Пирожки с мясом и телячьи котлеты с жареной картошкой. Из ресторана.

– Сначала пару рюмочек под закусь, а потом можно и горячее. Ты как, Саша?

Мартынов согласно кивнул головой, соглашаясь с приятелем.

– Прошу за стол, господа.

В этот момент Пашутин неожиданно спросил меня:

– Сергей, разговор у тебя ко мне серьезный или до завтра подождет?

«Проницательный, чертяка».

– Серьезный, но может и до завтра подождать.

– Господа, вы можете поговорить тет-а-тет, я подожду, – отреагировал на наш диалог полковник, но к этому времени я уже вспомнил, кто такой Мартынов. Он являлся начальником Московского охранного отделения.

«Хороший приятель Пашутина. Это плюс в его пользу. Хм. Похоже, судьба мне ворожит».

– Александр Павлович, думаю, вы нам помехой не будете. Сядем за стол, господа. Разговор наш, думаю, будет недолгий... если, конечно, не будет много вопросов.

При этом, не сдержавшись, усмехнулся, видя любопытство, написанное крупными буквами на лицах своих гостей.

– Говори, Сергей, раз начал, – не выдержав моей паузы, подтолкнул меня к объяснению Пашутин.

– Нужен человек, господа, который сможет профессионально и объективно пояснить, что необходимо Министерству внутренних дел и корпусу жандармов для того, чтобы навести порядок в стране.

После этих слов мои гости не просто удивились, они даже переглянулись, словно хотели выяснить друг у друга, верно ли то, что они сейчас услышали.

– Сергей, ты что, собираешься в министры?! Речь для царя готовишь?! – попробовал пошутить разведчик.

– Почти угадал.

– Брось! Не смешно.

– Это не шутка.

Михаил бросил на меня недоверчивый взгляд, в котором читался вопрос: кто ты такой, бывший поручик Богуславский? Вроде неплохо тебя знал, только теперь... не так в этом уверен.

– Сергей Александрович, что вы имеете в виду под порядком в стране? – как бы вскользь поинтересовался начальник московской охраны. Было видно, что до этого он расслабился, готовый кутнуть в мужской компании, но сейчас снова подобрался и смотрел на меня цепким и испытующим взглядом.

– Всерьез разобраться с внутренним врагом, с так называемыми демократическими партиями.

– Внутренним врагом, – повторил за мной задумчиво Мартынов.

Некоторое время стояла тишина. Пашутин, бросив на меня несколько взглядов, в которых смешалась настороженность и любопытство, сейчас смотрел на полковника в ожидании, что тот скажет. Его можно было понять, я снова повернулся к нему доселе неизвестной стороной. Начальник московской охраны, видевший меня в первый раз, смотрел на меня с настороженным любопытством, пытаясь понять, что собой представляет этот атлет с каменным лицом, но так ничего не поняв, почувствовал раздражение.

– Интересное сравнение. Правда, несколько жесткое, на мой взгляд, но я думаю, что соглашусь с таким определением, – наконец прервал молчание Мартынов. – Мне только вот что интересно: вам, поручику – артиллеристу в отставке, чем все эти партии насолили?

– Александр Павлович, я поинтересовался каким-то государственным секретом? – ответил я ему вопросом на вопрос.

Полковник только открыл рот для ответа, как вмешался Пашутин:

– Если я правильно его понял, Саша, то эти разъяснения ему нужны для государя.

– Господа, надеюсь, это не шутка? Я люблю розыгрыши, но только не те, что касаются моих служебных дел.

– Я похож на шутника?

– На шутника вы не похожи, но при этом у меня в голове просто не укладывается... Вы, политический сыск и император. Согласитесь, весьма странное сочетание, я бы даже сказал, весьма необычное, по своей сути. Сергей Александрович, позвольте вас спросить, кем при дворе государя...

– Саша, это не тот вопрос, который следует задавать! – перебил его Пашутин. – Уж мне поверь: Богуславский просто так ничего не говорит.

Жандарм с каким-то внимательным удивлением теперь посмотрел на своего приятеля, словно увидел в нем что-то новое для себя.

– Знаешь, Саша, – снова заговорил Пашутин, видя удивление своего приятеля. – Я вот давно знаю Богуславского, а он все равно находит, чем меня удивить! Что уж про тебя тогда говорить!

Следующую наступившую паузу прервал уже я:

– Если вы ждете от меня объяснений, Александр Павлович, то их не будет, а теперь давайте вернемся к моему вопросу.

– Не знаю, что и думать. Подполковник Пашутин сказал, что хорошо вас знает, а я привык доверять его мнению. Пусть так, но тогда позвольте вам кое-что рассказать, и вы поймете, почему именно этот разговор вызвал мое недоверие и недоумение, – полковник выдержал паузу, а потом продолжил: – Недавно, господа, я подал срочный рапорт по начальству о намечающемся заговоре членов Думы против монархии. В нем были указаны конкретные люди и даже наброски планов заговорщиков. И что же? Прошло уже восемь дней, как моя бумага ушла в Департамент полиции и никакого ответа. Вот теперь приехал по делам, а заодно думаю узнать о судьбе моей докладной записки, которая, почему-то мне так кажется, никого, кроме меня самого, не интересует. Кстати, у меня здесь с собой есть копия показаний одного тайного агента. Покажу вам только один лист. Думаю, ничего страшного не будет, если вы его прочитаете.

Полковник достал из портфеля папку. Раскрыл, пошелестел бумагами, а затем вынул листок и протянул мне:

– Извольте, господа.

На листе был записан отрывок беседы нескольких человек. Рядом, против отдельных фраз стояли фамилии, записанные карандашом. Пробежал глазами. Судя по записи, группа людей, собравшихся в доме графини Ностиц, среди которых были Гучков и французский посол, которые обсуждали свержение Николая II. Гучков авторитетно утверждал, что готовится переворот, но главная работа, по его словам, шла в армии. К генералитету примкнули представители московского дворянства и богатое купечество. Я пробежал глазами по фамилиям купцов. Высоцкий, Морозов, Попов.

«Все они, как один, хотят иметь нового конституционного монарха... Хм! В лице великого князя Николая Николаевича. Ну-ну».

Прочитав до конца, я передал бумагу Пашутину, который быстро пробежал ее глазами, осуждающе покрутил головой, но, ничего не сказав, отдал ее полковнику. Тот аккуратно спрятал ее в папку, затем только спросил:

– Что вы на это скажете, господа?

– Подобное отношение к таким срочным и неотложным вопросам мне и хотелось бы исправить, Александр Павлович, – ответил я ему.

Мартынов снова окинул меня настороженно-внимательным взглядом, потом, не отводя глаз, спросил:

– Почему именно сейчас, Сергей Александрович?! Почему не два года тому назад, когда я подавал докладную записку на высочайшее имя?!

– Видно, время пришло, Александр Павлович. Ты, Миша, тоже поедешь завтра с нами.

– К государю? Я-то там зачем? – с явным удивлением спросил меня Пашутин. – Идите с Мартыновым. Он в этом деле дока!

– Ты нужен, Миша.

После нескольких секунд раздумья на лице Пашутина появилась хитрая улыбочка.

– Неужели меня освободят от курсов?!

– Вполне возможно, господин подполковник.

– Радость-то какая! Вот за это, господа, не грех и выпить!

Назавтра, все втроем, мы предстали перед императором. Мартынов, так до конца и не поверивший моим словам, пребывал все время в легком изумлении, когда нас без излишних проволок проводили в кабинет государя. Император, если и удивился приходу трех человек, то никак не дал это понять. После официального представления царь поинтересовался делами у обоих офицеров, после чего попросил начальника московской охраны обрисовать политическую обстановку в Москве, что тот и сделал, затем разговор перешел на докладную записку, а потом плавно – к обсуждению возможной реорганизации МВД и отдельного корпуса жандармов. Император не только задавал дельные вопросы, но и умело поддерживал беседу. После того, как я высказал свои соображения, кое-что добавил Пашутин, до этого не принимавший участия в разговоре. Закончили мы нашу беседу в тот самый миг, когда настенные часы стали отбивать одиннадцать часов вечера. Итогом беседы стало нахмуренное лицо императора и неопределенность сказанной им фразы:

– Значит, вот как у нас в Российской империи обстоят дела.

Николай II встал, следом мы вскочили со своих мест и вытянулись, словно на параде. Обойдя стол, император остановился перед нами:

– Господа, благодарю вас всех за службу! Не скрою, что услышал от вас многое такое, что мне было неприятно слышать. Все сказанное вами, господа офицеры, будет проверено и доложено лично мне. Полковник Мартынов, вы упомянули в разговоре, что отсылали записки о рассмотрении изменений и дополнений в организации работы корпуса жандармов. Вы не смогли бы снова прислать мне ваши записи?

– Будет сделано, ваше императорское величество, вот только попаду я в Москву не ранее пятницы. За субботу и воскресенье у меня будет время их подправить, а в понедельник с утра вышлю их вам специальным курьером.

– Больше не смею вас задерживать, господа, а вас, Сергей Александрович, на несколько минут попрошу остаться.

Как только за ними закрылась дверь, император сказал:

– О полковнике Мартынове мне доводилось слышать как о дельном, думающем офицере. Странно, но вы вчера не упомянули о его приходе.

– Извините, ваше императорское величество. Мы только вчера вечером с ним познакомились, и я понял, что он тот, кто нужен.

– Даже так? Гм. Я так понял, что он не знает ничего лишнего, кроме того, о чем говорил сегодня.

– Да, ваше императорское величество. Ему дал хорошую характеристику подполковник Пашутин. Если его записки окажутся дельными, то почему бы ему самому не воплотить их в жизнь.

– Хорошо, я подумаю об этом. Тут вот еще, какое дело. Мне сегодня довелось услышать много нелицеприятного о людях, которых я лично знаю. Я рассчитывал на них, считал своей поддержкой и опорой... – государь сделал паузу и осуждающе покачал головой. – Вы мне скажите, Сергей Александрович, вот есть хороший, обаятельный человек, его представляют вам как знатока своего дела, а будучи поставлен на высокий пост, сразу начинает взятки брать, близким людям протекции составлять и прочими мерзостями заниматься, но только не радеть за государственную службу, которую блюсти поставлен. Как такое может быть?

– Приятность в общении и обаяние отнюдь не профессиональные качества. К тому же они нередко служат маской подлеца.

– Хм! Зло, но верно. Теперь о вашей поездке. Татищев предупрежден и завтра вечером ждет вас у себя дома. На этом все, Сергей Александрович.

Вильгельм, несмотря на свои физические недостатки, доставшиеся ему с рождения, со временем сумел найти в себе силы их победить. Поверив в свои силы и окруженный придворными льстецами, которые нащептывали о его непогрешимости, как божьего избранника, император, превратился в заносчивого, надменного и эгоистичного человека.

Вскоре эти черты характера переродились во внутреннюю убежденность, что Бог для достижения своих высших целей избрал германский народ, а сам Вильгельм является проводником Божьей воли и ни перед кем кроме Создателя за свои действия не отвечает. Он верил в свое предназначение до тех пор, пока в его жизни не появился русский прорицатель со своими предсказаниями, что дало ему основание сомневаться в том, что именно он Божий избранник. Первое, что он почувствовал, когда прочитал присланное две недели тому назад письмо, лежавшее перед ним на столе, было почти забытым с детства ощущением беспомощности. В одно мгновение он потерял свободу выбора и стал марионеткой, которая оживает, лишь, когда кто-то начинает дергать за веревочки. Прошла минута, другая, третья... Император постарался погасить в себе это чувство. С трудом, но ему это удалось.

Сидевший по другую сторону стола начальник генерального штаба генерал Эрих фон Фалькенхайн, приблизительно представлял, какая буря чувств разыгралась в душе заносчивого и гордого правителя Германии. Будучи товарищем Вильгельма по детским играм, он оставался преданным ему все эти десятки лет, став одним из немногих людей, которых кайзер мог назвать своими друзьями.

– Что скажете, Эрих?

– Сведения подтвердились, ваше величество. Это может означать только одно: при дворе русского императора действительно есть... ясновидец.

– Значит, вы всему этому верите?!

– Ничего другого не остается, ваше величество. Его предсказания сбылись дважды, причем с теми подробностями, на которые он указал.

Наступило короткое молчание, которое прервал германский император. В его голосе прорывались ясно слышимые нотки раздражения.

– Что вы о нем узнали?

Генерал раскрыл папку, которую принес с собой.

– Богуславский Сергей Александрович. Двадцать три года. Поручик-артиллерист. Физически очень развит и невероятно силен. На фронте получил тяжелое ранение в голову, после чего был отправлен в отставку. Судя по некоторым данным, во дворец его ввел Распутин, а сам

спустя полтора месяца уехал к себе домой и до сего дня там пребывает. Когда Богуславский появился во дворце Николая Второго, точно не установлено. Сам к русскому императору не ездит, бывает у него только по приглашению. Никаких посторонних лиц при их встречах, за исключением императрицы, замечено не было.

– Его образ не сочетается с личностью... прорицателя. Слишком молод. Откуда он мог получить подобный дар? Вы уверены в своих сведениях?

– Нет, ваше величество. Меня мучают те же сомнения, что и вас. То, что Богуславский может быть прорицателем, основано лишь на догадках и косвенных подозрениях. Его встречи с русским императором всегда происходят один на один, потому ничего доподлинно никто не знает. Есть еще один факт. К нему была приставлена охрана месяц назад.

– Погодите! Месяц назад? Но первое письмо мы получили два месяца назад! Как это понять?!

– Я это тоже отметил, ваше величество.

– Хм! Пьет? Женщины?

– В подобных пороках не замечен, ваше величество.

– Аскет?

– Нет. Есть друзья. Занимается какой-то японской борьбой.

– Японской борьбой? Ну, не знаю. Как-то все это не складывается. Вы так не считаете, генерал?

– Считаю, ваше величество, и смею предположить, что все может быть не так, как мы видим.

– То есть вы думаете, что этого русского богатыря нам специально подставили? Сделали из него ширму, за которой скрывается истинный провидец?

– Да, ваше величество. Подобный дар надо прятать и охранять так, чтобы никто не мог даже близко к нему подобраться.

– То есть мы ничего толком не знаем?

– Да, ваше величество. Пока у нас на подозрении есть только Богуславский.

– У вас есть какой-то план?

– Есть, но боюсь, он не сильно понравится вашему величеству.

– Я слушаю вас, Эрих.

– Нам надо выйти на прямые переговоры с Николаем Вторым. Изложить наши требования, но при этом не ставить перед ним жестких условий. Предваряя ваш вопрос, сразу скажу: в 1916 году Германия запросит мир, но его не получит. Вы помните эту фразу?

– Помню. Погодите! Вы думаете, что мы тогда предложили такие условия сделки, что русские сочли неприемлемыми?

– Точно так, ваше величество. Иначе бы этого предсказания на том листочке не было.

Германский император бросил косой взгляд на генерала. Ему хотелось перенести свое нарастающее раздражение на кого-нибудь другого, но при этом он понимал, что если и выплескивать его, так это на самого себя. Он настолько был загипнотизирован двумя последними фразами, что на фразу о перемирии не счел нужным обратить внимание. Почему он упустил это? И тут же сам себе ответил: он уже тогда поверил. Легкий холодок страха поселился в его сердце с того самого дня, когда он прочитал это проклятое предсказание русского оракула. Он пытался не верить, говорил сам себе, что это чепуха, но страх, занозой сидевший в его сердце, был прямым доказательством, что это не так.

«Верден. Ютландское сражение. Война растягивается на неопределенное время, и это притом, что еще англичане не вступали в войну по-настоящему. Нет сомнения, что после пары значительных успехов на их стороне выступит Америка. К тому же Австро-Венгрия показала себя слабым союзником. Будь на ее месте Россия... Попробовать предложить Николаю II мир? Вот только условия...»

– Эрих, надо поработать над условиями возможного мира с Россией. Найдите надежных людей, которые могли бы проработать все возможные детали такого договора. Пока мы не убедились в правильности наших выводов, необходимо все держать в строжайшей тайне.

– Понимаю, ваше величество.

– Вы свободны, генерал.

Выходя от императора, Эрих фон Фалькенхайн думал о том, что если переговоры и пройдут, то они будут необычайно трудными.

«Вильгельм слишком упрям и своенравен, а у русского царя нет практичности, зато в голове полно всякой славянской чепухи. Но это надо сделать! Или иначе меня ждет незавидная судьба!»

Прибыв на место службы, генерал первым делом вызвал подполковника Дитриха фон Лемница, свое доверенное лицо, и после двух часов совещания за закрытыми дверями тот срочно выехал в Берлин. Потом произошел прорыв генерала Брусилова на Восточном фронте, и все дела отошли на другой план, но окончательно забыть о нем не дал телефонный звонок, раздавшийся через три недели утром, когда генерал только сел завтракать. На пороге возник дежурный адъютант со строгим выражением лица:

– Звонок из личной канцелярии его императорского величества, господин генерал.

– Соедините с моим кабинетом.

После звонка генерал снял трубку.

– Здравствуйте, генерал.

– Здравствуйте, ваше императорское величество.

– Как продвигаются наши дела?

Генерал сразу понял, что речь идет не о положении на фронте, так как император регулярно получал сводки о положении дел, поэтому ответил обтекаемой фразой, суть которой могла быть понятна только кайзеру:

– Еще неделя, ваше императорское величество и у вас будут все необходимые документы.

– Не затягивайте, генерал.

Начальник Генерального штаба повесил трубку и сразу подумал о том, что беспокойство Вильгельма в таких делах обычно ему несвойственно.

«Он боится. Боится! Больше ничем это не объяснишь. Дьявол всех раздери! Эти предсказания невольно заставляют думать о себе словно о пешке. Кто-то играет, а ты стоишь на доске и ждешь своей участи», – он посмотрел на остывающий завтрак и резко отодвинул от себя тарелку. Есть уже не хотелось.

Неделя пролетела как один день. Неожиданный прорыв русских дивизий спутал все планы германского командования, но, несмотря на это, рано утром на пороге кабинета кайзера появилась подтянутая фигура генерала Эриха фон Фалькенхайна.

– Ваше императорское величество, генерал...

– Здравствуйте, Эрих! – оборвал его кайзер. – Вы довольно раннее время выбрали для визита. Что-то случилось? Докладывайте!

– Пришло новое послание, ваше величество. Этим и объясняется мой столь ранний приход к вам. Оно пришло три дня назад, но я узнал о нем только вчера, так как был с инспекцией в войсках.

– Дайте мне письмо!

Кайзер не стал на этот раз рассматривать конверт, а сразу его надорвал. Достав листок, торопливо его развернул и впился в него глазами. Дважды пробежал по тексту глазами, затем протянул бумагу генералу. Начальник генерального штаба, охваченный в равной мере, как любопытством, так и нетерпением, чуть ли не выхватил ее из рук императора и быстро прочитал вслух текст.

– Битва на Сомме. Большие потери. Гм! Сомма. Англичане и французы готовят наступление? – задумчиво задал сам себе вопрос генерал.

– Это я должен задать этот вопрос Главному штабу!

– Для меня это не новость, ваше величество. Мне уже докладывали о скоплении артиллерии и подходе новых английских дивизий. Да-а... Значит, они все решились. Пусть идут, нам есть чем их встретить.

– Вы так уверены, Эрих?

– Ваше величество, наши позиции обороны достигают в глубину до семи-восьми километров, система опорных пунктов...

– Генерал!

– Извините меня, ваше величество! Мне только хотелось... – но увидев легкую гримасу раздражения на лице своего императора, Эрих фон Фалькенхайн на мгновение запнулся, но решил продолжить: – Раньше я бы с легкостью в душе сказал вам, что уверен в надежности линии обороны, стойкости и храбрости германских солдат, но теперь, с появлением этого оракула, ни в чем уже не уверен. Словно кукла-марионетка, которую дергают за ниточки.... Извините меня, ваше величество.

Вильгельм, который последнее время нередко приходил к подобным мыслям, бросил на генерала сочувствующий взгляд. Эрих фон Фалькенхайн не смог по достоинству оценить его, так как, изучив характер кайзера за многие годы, вообще не предполагал наличия у него чувств, подобных этому. Император, которому подобная ситуация нравилась еще меньше, словно наказывая себя за секундную слабость, отдал приказ резким тоном:

– Генерал, по возвращении в ставку принять немедленные меры! Вы поняли предстоящую перед вами задачу?!

– Будет выполнено все в точности, ваше величество!

– Присядьте, Эрих. Как говорят русские: в ногах правды нет. Вам что-то удалось узнать о русском провидце?

– Ничего особенного, за исключением одной поездки. Богуславский ездил на Сестрорецкий оружейный завод. Пробыл там в общей сложности два часа, потом уехал. Что он там делал, выяснить не удалось.

– Что может делать прорицатель на оружейном заводе?

– Никогда не сталкивался с ясновидцами, поэтому не представляю, на что они способны.

– Непонятно и запутано, – задумчиво произнес германский император.

– Может, это просто отвлекающий маневр русских, ваше величество?

– Возможно, а теперь мне хотелось бы услышать ваше мнение по поводу нового предсказания.

– Очевидно только одно, ваше величество. Предсказание малопонятно из-за чувства союзнического долга. Русские нам как бы говорят: мы знаем о том, что произойдет, но подробности вам раскрывать не будем. Еще, мне так кажется... что этим они дают нам понять, чтобы мы поторопились с договором.

– Почему вы так решили, Эрих?

– Мне кажется, что все эти три предсказания, словно вехи, указывают нам путь, ведущий к перекрестку. Когда мы его достигнем, нам предстоит выбрать путь.

Император с некоторым удивлением посмотрел на своего начальника штаба.

– Что-то раньше подобных выражений я от вас не слышал, Эрих.

Генерал замялся.

– Не хотел об этом говорить, ваше величество... Гм. Вся эта круговерть с оракулом и предсказаниями настолько сбивала меня с толку, что, будучи в Берлине, я решил пойти к одной известной ворожее... Понимаю, что это все звучит глупо, но сделать с собой ничего не могу: невольно начинаю во все это верить.

– Не вы один, Эрих, – не смог удержаться от признания германский император, но сразу ушел от скользкой темы. – Интересно, как там мой кузен Ники?

– Вы думаете, что с ним происходит то же самое?

– То же самое или другое, но и так понятно, что он еще в большей степени, чем мы, зависит от них! – с нарастающей злостью воскликнул германский император. – Его толкает страх! Это очевидно! Иначе что могло его подвигнуть на переговоры! Ведь неуверенность, слабость и вялость характера – в этом весь мой кузен! Всю свою жизнь он изображает из себя рыцаря без страха и упрека, но все видят, что это только защита для того, чтобы скрыть слабость и неуверенность в себе.

Кайзер сейчас выплескивал из себя злость и раздражение этими словами. Генерал слушал и радовался тому, что все эти чувства и слова обрушились не на него, а на русского царя.

Неожиданно кайзер оборвал сам себя и резко спросил:

– Полагаю, что папка у вас в руках – это наши требования к русским?

– Да, ваше величество. Девяносто шесть листов.

– Изложите основные пункты.

– Прошу покорнейше простить меня, ваше величество, но мне эти документы были переданы перед самым отъездом, поэтому мне не удалось их изучить настолько основательно...

– Оставьте ее мне! – оборвал его извинения кайзер. – Сам посмотрю. Вы мне лучше скажите: сколько мы сможем снять дивизий с русского фронта в случае заключения перемирия?

– До двадцати дивизий, ваше величество. Думаю, это даст нам возможность окончательно сломить сопротивление англо-французской обороны, а возможно, даже закончить войну в начале следующего года.

– Надо еще подумать, под каким предлогом мы можем объяснить германскому народу заключение мира с нашим врагом?

– Думаю, что наша пропаганда придумает достаточно веское объяснение, но если вы хотите знать мое личное мнение, то мне кажется народ Германии примет ваше волеизъявление без лишних вопросов. Наши люди не какие-нибудь там славяне, а истинные тевтоны! Порядок и дисциплина у нас в крови, ваше величество!

– Вы, конечно, правы, Эрих, но нам не нужны лишние разговоры за спиной. Впрочем, этот вопрос вас не касается.

– Понимаю, ваше величество.

– Мне еще хочется узнать ваше личное мнение, генерал, на реакцию наших союзников.

– Австро-Венгрия оказалась слаба и настолько увязла в войне с Россией, что ей ничего другого не остается, как последовать нашему примеру и попытаться заключить с ней мир. Вот только в отличие от нас ей придется заплатить за него частью своих территорий и главным камнем преткновения подобных переговоров, думаю, станут Сербия и Черногория, так как Россия просто помешана на идее славянского единства. М-м-м... Турция... исконный враг России. Будет драться до последнего, но при этом наши военные советники в один голос утверждают, что ее оборонные линии растянуты и слабы, а солдаты ленивы, ненадежны и слабы духом. К тому же русский царь, как мне известно, давно уже заглядывается на черноморские проливы.

Только услышав намек на возможное благоденствие Российской державы, император снова стал злым и колючим. Генерал чертыхнулся про себя, ведь он прекрасно знал о болезненной ревности кайзера к русскому царю.

– Нам не нужна сильная Россия! Разделив наших врагов этим миром, мы сначала сломаем хребет французам и англичанам, а потом... мы заставим русского царя подписать новый договор! Ему он сильно не понравится, вот только помощи уже будет ждать не от кого!

– Ваше величество, вы забыли о русском провидце.

– Действительно. Хм! Этот вопрос придется как-то решить, но об этом мы поговорим позже, после переговоров. Кто поедет в Стокгольм?

– Могу предложить подполковника Дитриха фон Лемница, тем более что он уже введен в курс дела.

– Думаете, справится?

– Он опытен, осторожен, а главное, очень мне предан.

– Хорошо. С русской стороны пусть пришлют нам генерала Татищева. Я знаю, что он бесконечно предан моему кузену, поэтому если приедет он, значит, переговоры ведет русский император. На этом все, генерал!

Генерал вскочил с кресла:

– Ваше величество, разрешите отбыть к месту назначения?!

Сразу по прибытии начальника генерального штаба в ставку германская разведка получила приказ нащупать возможные направления прорыва противника, но не успела, так как уже спустя двое суток началась артиллерийская подготовка со стороны противника, продолжавшаяся семь дней и тем самым давшая начало наступательной операции англо-французских войск против германцев на реке Сомма.

Глава 2

Я готовил себе незатейливый ужин, когда зазвонил телефон. Поднял трубку.

– Здравствуй, Сергей. Просьба к тебе есть, – голос у Пашутина был энергично-деловой, чем он меня сразу заинтриговал.

– Здравствуй. Слушаю тебя.

– У нас на курсах инструктор по стрельбе заболел. Ты не мог бы подменить его на пару-тройку дней?

– Ты хочешь сказать, что во всей славной императорской армии нет замены инструктору по стрелковой подготовке? – съехидничал я.

– Хоть бы и так. Поможешь?

– Что, у господина подполковника нет других забот, как искать инструкторов по стрельбе?

– Ты, милый друг, кажется, забыл, что я состою в должности заместителя начальника курсов, в чьи обязанности входит...

– Все понятно! – оборвал я его. – С утра у меня тренировка, а после часа могу подойти в любое время.

– Отлично! Подходи завтра, к двум дня. Пропуск будет тебе выписан.

– Договорились.

Прибыл в назначенное время. Меня встретили и провели к тиру, где уже дожидались курсанты, девять человек. Все офицеры, в званиях начиная от подпоручика и кончая штабс-капитаном. Быстро прикинул про себя: молодых среди них нет, все в возрасте от тридцати и до сорока пяти лет. Мне было уже известно со слов Пашутина о том, что, отсылая офицеров на эти курсы, армейское командование подобным образом избавляется от ненужных ему, по тем или иным причинам, людей.

Подойдя к ним, наткнулся на любопытно-пренебрежительные взгляды. Что здесь делает здоровяк, без малейшего следа военной выправки? Классическая штафирка.

– Добрый день, господа. Меня попросили заменить инструктора по стрелковой подготовке на пару дней. Разрешите представиться. Богуславский Сергей Александрович.

– Вам бы, господин Богуславский, судя по ширине ваших плеч, силовую гимнастику преподавать, а не из пистолета учить стрелять, – с ехидцей в голосе заметил жгучий брюнет, капитан интендантской службы.

– У меня и то и другое очень даже недурственно получается.

– Значит, стреляете хорошо, господин Богуславский. Ха! С вашим богатырским здоровьем и навыками стрельбы вам самое место на войне быть. Или вы так не считаете? – не скрывая издевки, спросил меня поручик-драгун с холеным породистым лицом аристократа.

– Уже был. Получил ранение, после чего признали негодным к строевой службе, а теперь давайте закончим с вопросами и приступим к занятиям, господа.

– Погодите! Так вы тот самый Богуславский?! – вдруг воскликнул светловолосый капитан – пехотинец с намечающимся брюшком.

– Степан Васильевич, ты это о чем? – спросил его интендант.

– Это не мне отвечать, а господину Богуславскому, – ушел от ответа пехотинец, после чего внимание переключилось на меня, и я снова оказался в перекрестье девяти пар глаз. Этот кусок прошлого касался только меня, и я не собирался обсуждать его с кем-либо, поэтому сказал:

– Господа, время уходит. Прошу вас пройти за мной в тир.

Я уже развернулся, как за спиной раздался голос поручика-драгуна:

– Мне так думается, господа, что эта таинственность имеет под собой нечто такое, о чем стыдно рассказывать в приличном обществе.

Судя по всему, поручик-драгун явно был из породы задиры и любил, чтобы последнее слово оставалось за ним.

«Похоже, сам по себе он не успокоится», – с этой мыслью я развернулся к нему.

– Перед тем как высказываться, вы бы для начала представились, поручик. Или мама вас не учила в детстве элементарному этикету вежливости?

– Извольте. Граф Бахметьев-Кречинский, – в глазах поручика сверкнули злые искры. – Так мы вас слушаем, милостивый сударь.

– Погодите, граф, не торопитесь. Я тоже человек, а значит, любопытен и, со своей стороны, хочу поинтересоваться: вы сами как здесь оказались?

Реакция на простой вопрос оказалась не просто резкой – лицо графа буквально перекосило, но спустя несколько секунд он сумел взять себя в руки и только губы скривились в злой ухмылке.

«Что-то нечисто с этим типом».

– Из-за дуэли. Вас устраивает такой ответ? – в его голосе звучал вызов.

Мне не хотелось подводить Пашутина, но и спускать наглые выходки не собирался, поэтому ответил поручику в его тоне.

– В моем случае – личная месть. Вас устраивает такой ответ?

– Не устраивает!

– Похоже, поручик, вы собираетесь свести все к новой дуэли. Я прав?

– Вы испугались?!

Я усмехнулся:

– Похоже, вы так просто не уймётесь! Хорошо. Тогда поступим так: идемте в тир и там решим наши разногласия.

Граф несколько растерялся. Завуалированный вызов на дуэль не произвел на здоровяка никакого внимания. Другие офицеры, видно, хорошо зная нрав поручика-драгуны и видя, к чему он ведет, заволновались. Неужели дуэль? Несколько секунд стояла тишина, которую первым нарушил капитан-интендант:

– Как вас понимать, господин Богуславский?!

– Понимайте это как приглашение на практические занятия по стрельбе, господин капитан. Ну, а граф мне в этом поможет. Вы готовы мне в этом помочь? – и я повернулся к Бахметьеву-Кречинскому.

Тот явно не понимал, что у меня на уме: то ли инструктор испугался и, таким образом, хочет уйти от опасности, то ли это своеобразное согласие на дуэль.

– Называйте, как хотите, а мне только нужно, чтобы цель была видна, – задира, взяв себя в руки, усмехнулся. – Осталось разрешить один вопрос: вы дворянин?

– Да.

– Отлично! Тогда я к вашим услугам, господин Богуславский!

– Господа! – обратился я к остальным офицерам. – Мы и так уже потеряли много времени. Идемте быстрее.

– Вы что, собираетесь стреляться? – уже напрямую спросил меня капитан-пехотинец.

– Господа, время уходит! Извольте идти за мной!

Мои слова оказались ушатом холодной воды, вылитой на голову каждого из курсантов. Они разом замолчали и начали переглядываться друг с другом с недоумением. Как понять этого инструктора: или умом тронулся, или настолько уверен в себе? Но стоило мне направиться к дверям тира, как все дружно последовали за мной.

В помещении тира было просторно, сухо и светло. Офицеры настороженно замерли, ожидая услышать, что им сейчас скажут, при этом бросая неприязненные взгляды на графа.

– Господа, давайте представим себе, что находимся на поле боя, а перед тобою враг. Теперь перейдем к условиям схватки. Граф, становитесь на позицию. Поручик, – обратился я к поручику-артиллеристу, – отмерьте, пожалуйста, пятнадцать метров от него.

Когда тот выполнил, я встал на указанное место. Все это было проделано в полной тишине.

– Теперь нам нужен человек, который подаст команду к началу практической стрельбы. Господа, прошу вас!

– Первый раз вижу подобного рода водевиль, так почему бы не сыграть в нем роль, – вдруг заявил с веселой ухмылкой поручик-кавалерист. – Приготовьтесь, господа! Начинаем на счет «три»! Раз! Два! Три!

Долгие и упорные тренировки, как в коппо-дзюцу, так и в стрельбе, заложили в меня программу холодной сосредоточенности и мгновенного реагирования на любого рода опасность в любой обстановке, вот и сейчас мой мозг и тело были «заряжены» на успешное выполнение задачи, поставленной передо мной.

Пуля ударила по револьверу графа в тот самый момент, когда он только начал жать на курок. Он невольно вскрикнул, когда револьвер, выламывая пальцы, вылетел из его руки и тем самым приковал внимание зрителей, но только на мгновение, чтобы убедиться, что тот не ранен, а затем все уставились на меня. Так маленькие дети, смотрят на фокусника, после того как тот на их глазах достал из шляпы кролика.

– Господа, вам был сейчас продемонстрирован пример стрельбы, приближенной к боевым условиям. Поручик, я вам признателен за то, что вы помогли демонстрации наглядного урока, который без сомнения всем вам пойдет на пользу. Вы со мной согласны, граф?

Поручик, массируя руку, ничего не сказал, только на губах появилась кривая усмешка, зато злорадные ухмылки, появившиеся на лицах остальных офицеров, были совсем другого рода. Все они явно получили удовлетворение от унижения графа, которого, теперь это было ясно видно, недолюбливали. Я повернулся к ним.

– Какие выводы можем сделать из всего этого, господа? – я сделал небольшую паузу, привлекая еще большее внимание к своим словам. – Чтобы успешно владеть личным оружием, нужно самообладание плюс постоянные тренировки и хорошо развитая или природная реакция. Это и есть три составляющие, на которые должен опираться хороший стрелок. Так какие приемы стрельбы вам показывал господин Маркин?

– Уж точно не такие, как вы, господин Богуславский, – с восхищением в голосе ответил офицер в звании штабс-капитана. – Где вы так научились стрелять, господин Богуславский, позвольте узнать?

– Извините, но у нас и так ушло много времени на пустые разговоры. Приступим, господа, к стрельбе по мишеням, после чего я постараюсь указать вам на возможные ошибки.

Закончив занятия, я вышел из тира последним и сразу наткнулся на поджидавшего меня графа. Его поза и лицо выражали вызов, но при этом нетрудно было заметить, как из-под этой маски гордой непринужденности просачивался страх.

– Мне не нужна милостыня, господин Богуславский!

– Вы горды и самолюбивы безмерно, а это грех. Так бы сказал мой один знакомый священник, но только не я.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что уже сказал.

Граф хотел ссоры, но в то же время опасался меня. Хладнокровие и мастерство этого человека прямо указывало на то, что ссора с ним опасна, но будучи азартным игроком, поручик уже не мог остановиться и был готов довести дело до конца.

– Извольте объяснить свои слова, сударь или...

– Это вы зря, граф, – неожиданно перебил его знакомый голос, раздавшийся за моей спиной. – Извините, господа, что нарушил вашу беседу, но лучше сделать это сейчас, прежде чем дело дойдет до взаимных оскорблений.

Пашутин встал рядом со мной, поглядел нас обоих, а затем сказал:

– Судя по всему, господин поручик, вы опять стали причиной очередной ссоры. Я прав?

– Как всегда, господин подполковник, – с оттенком вызова ответил ему граф.

– Вы чересчур самолюбивы и кичливы, господин Бахметьев-Кречинский, – граф горделиво вскинул подбородок и только открыл рот, как подполковник опередил его: – Не торопитесь мне дерзить, я еще не все сказал. Так вот. Из-за этих вздорных качеств вы попали в очень неприятную историю, которая вполне могла закончиться уголовным следствием и несмываемым позором для всего вашего рода. С великим трудом это дело удалось замять. При вашем поступлении сюда меня ознакомили с ним и просили хранить его в тайне.

– Вы мне угрожаете, подполковник?!

– Помилуй бог, граф. Наоборот. Спасая вас от смерти.

– Мне не нужно ни вашей и ни чьей-либо снисходительности! Я всегда сам решаю, как себя вести и что мне делать! Я доступно объяснил?!

Пашутин поморщился. Похоже, что эта выходка у графа была далеко не первая.

«И не последняя. Чего он его терпит? Гнал бы в шею!»

Подтверждение моим мыслям было озвучено подполковником сразу, стоило мне так подумать.

– Господин поручик, у нас здесь не воспитательное учреждение, а военные курсы, но, похоже, тот, кто определил вас сюда, не видел в этом никакой разницы! Так я это исправлю! Прямо сейчас вы пойдете со мной в канцелярию, где я прикажу выдать вам документы на отчисление с курсов по состоянию здоровья. Следуйте за мной, поручик!

Татищев в Стокгольм поехал не один, взяв с собой секретаря-референта из Министерства иностранных дел, которого знал с того времени, когда пребывал в Берлине в качестве личного представителя императора. Фонарин Леонид Феокистович должен был запустить механизм встречи с немцами, явившись в русское посольство по прибытии в Стокгольм, к тому же в дальнейшем опять же через него должна была осуществляться связь с российским посольством. Татищев оставался единственным человеком, который непосредственно войдет в контакт с германцами. Это было сделано для того, чтобы в случае срыва переговоров или серьезной утечки информации никто не мог обвинить Россию в том, что она ведет переговоры за спиной союзников.

Мы расположились в соседнем купе и вели дежурство, одновременно приглядываясь к секретарю, полному и начавшему лысеть, лет тридцати восьми – сорока, чиновнику. Леонид Феокистович, несмотря на свой длинный нос, брюшко и намечавшуюся лысину, имел волнующий тенор и хорошо подвешенный язык, благодаря которым быстро нашел себе компанию из двух дамочек бальзаковского возраста, с которыми и провел почти все время нашего путешествия.

Для меня поездка оказалась довольно скучным занятием. Пили, ели, а в промежутках развлекали себя игрой в карты и пустопорожними разговорами. По прибытии в шведскую столицу Татищев с секретарем направились в гостиницу, которую ему посоветовал Фонарин, ранее неоднократно бывавший в Стокгольме по делам министерства. По совету Пашутина мы не стали селиться в этом отеле, а сняли номер в маленькой гостинице, расположенной в полутора сотне метров от места проживания наших подопечных. На следующее утро Фонарин отправился в русское посольство, а еще через три часа к окну своего номера подошел Татищев и стал любоваться видом на улицу. Он простоял так ровно три минуты, после чего развернулся и отошел от окна. Это был условный знак, означавший, что ему звонили немцы и назначили встречу.

Пашутин сразу перезвонил ему и узнал о месте встречи. Им оказался небольшой ресторан, где хозяином был агент германской разведки, живший в Стокгольме уже более десятка лет.

Сопроводив Татищева на небольшую прогулку, а затем в ресторан, спустя пару часов мы вернулись обратно и сидели за столиком в кафе, витрина которого выходила на отель, где жил Татищев со своим секретарем, как вдруг раздался звон разбитого стекла. Выбежав на улицу, увидели разбитое окно в номере Фонарина. Что произошло?

Войдя следом за Пашутиным в отель, я быстро огляделся. В глаза сразу бросился мужчина, одетый в светлый чесучовый костюм и желтую щегольскую шляпу, разговаривавший с портье. За ними, в глубине зала сидело двое пожилых мужчин в мягких креслах, с явным удовольствием куривших сигары. Между ними стоял столик, на котором, кроме пепельницы, стояли две пузатые рюмки с коньяком. Судя по их слегка осоловевшим взглядам и повышенным тонам, эти рюмки были у них не первые. В следующее мгновение двери лифта начали раскрываться, заставив нас напрячься, но тревога оказалась ложной. Из лифта вышла супружеская пара с двумя детьми, и они неторопливо пошли к выходу.

Пашутин только зашагал к лифту, как вдруг неожиданно остановился. Проследив его взгляд, я сразу понял, кто вызвал особый интерес разведчика. Служащий отеля был явно чем-то встревожен и сейчас пытался скрыть свое состояние за искусственно натянутой улыбкой. Резким контрастом его поведению выглядело нарочито спокойное поведение мужчины в желтой шляпе. Обменявшись короткими взглядами, мы направились к стойке портье. Дальнейшие действия Пашутина меня несколько удивили, так как тот не приступил к допросу служащего, а вместо этого нанес весьма чувствительный удар по ребрам «желтой шляпы» стволом пистолета, заставивший его дернуться всем телом от неожиданной и резкой боли. Стоило ему развернуться к подполковнику и открыть рот, как получил новый удар, уже в солнечное сплетение, после чего согнулся, хватая ртом воздух. При виде этой картины портье, с мучнисто-белым лицом, замер, почти не дыша. Загородив Пашутина своей широкой спиной от любителей коньяка и сигар, я стал с интересом наблюдать, как тот культурно просит портье поделиться с ним информацией. Тот попытался изобразить непонимание, что от него хотят, что было видно и без знания английского языка, поэтому я решил взять процесс переговоров в свои руки. Сделал зверское выражение лица, после чего попросил разведчика:

– Скажи портье, что я ему прямо сейчас сломаю руку.

Не успел подполковник перевести ему мои слова, как портье отпрянул от стойки, словно собрался бежать, а затем, не сводя с меня испуганного взгляда, принялся говорить. Уже спустя минуту Пашутин удовлетворенно кивнул головой:

– Желтая шляпа, наш клиент.

– Спроси, где у них черный вход?

Пашутин не стал строить удивленные глаза, а быстро спросил у портье, после чего перевел его ответ мне:

– За лифтами. По коридору налево.

– Пошли.

В следующее мгновение «желтая шляпа» сделал попытку вырваться, но после легкой болевой терапии проявил готовность следовать за мной. Я уже заворачивал за угол, как из лифта вышли Татищев и Фонарин. Пашутин, остановившись, бросил:

– Иди. Я догоню.

Пройдя полутемный коридор, мы с англичанином вышли в небольшой дворик, позади отеля, заставленный по большей части мусорными баками. Подтащив его к стене, я спросил:

– По-русски понимаешь?

Тот сделал бессмысленное лицо.

– Тебе же хуже.

Мгновение, и лицо агента исказилось от жуткой боли, глаза полезли из орбит, затем пришла очередь тела. Скрученный судорогой, он упал на бок и стал биться о пол так, словно у него начался припадок эпилепсии. Когда спустя какое-то время хлопнула дверь черного хода, на пороге появился подполковник. Подойдя, он с минуту наблюдал, а потом спросил:

- Долго его так будет колотить?
- Еще пару минут.
- Они похитили копию договора.
- Ясно.

Спустя какое-то время напряженное тело выгнулось в последний раз и, обмякнув, замерло, мелко дрожа. Вздернув агента за плечи, я посадил его спиной к стене, придерживая за руку ватное тело, так как оно постоянно норовило завалиться на бок. Пашутин присел на корточки рядом с ним, затем, взяв агента за подбородок, приподнял ему голову. У британца было совершенно белое, мучнистого цвета, мокрое от пота лицо. Глаза слепо смотрели в пустоту. Мозг и нервы, пораженные болевым шоком, еще только начали приходить в себя от боли. Наконец, зрачки дрогнули.

- Можешь беседовать.
- Что, мистер, теперь говорить будешь?
- Я... Нет. Не буду.

Услышав перевод Пашутина, я сказал:

- Если ему понравилось, могу повторить.

Услышав мои слова, британец бросил на меня затравленный взгляд, потом постарался вжаться в стену, а когда не получилось, заговорил. Быстро, торопливо, скороговоркой. Когда закончил, Пашутин поднялся, несколько секунд смотрел в мутные глаза агента, затем его рука змеей скользнула за борт пиджака, а уже в следующее мгновение ствол пистолета с силой уперся в переносицу англичанина. Подполковник что-то рявкнул на английском, явно желая получить подтверждение полученной информации. Агент, глядя выпученными от страха глазами, стал быстро, но при этом сбивчиво, от крайнего волнения, говорить. Замолчав, «желтая шляпа» обвел нас молящим взглядом, при этом стараясь не смотреть на ствол пистолета.

– Похоже, он рассказал все, что знал, – задумчиво сказал Пашутин, отводя ствол от лица британца. – Адрес есть.

- Тогда чего стоим?

Рукоять пистолета Пашутина взметнулась в воздух и тут же стремительно упала на голову англичанина.

- Ты прав, нам стоит поторопиться.

Уже по дороге я узнал, что, когда Татищев отсутствует, документы хранятся у Фонарина. Пока Татищева не было, в комнату Фонарина явилась симпатичная горничная. Она заламывала руки, изображая страдания на лице, и, в конце концов, сумела вытащить дипломата в коридор на какое-то время, а за время его отсутствия портфель с документами был похищен.

- Шляпу зачем оставили?
- Для выявления и по возможности отслеживания других русских агентов.
- Быстро ты его раскусил.
- Интуиция, Сергей. Было в нем что-то фальшивое... Ну не знаю, как объяснить.
- А портье?

– За две бумажки, десять фунтов каждая, его попросили ничего не видеть, не слышать и поддерживать разговор.

Указанный адрес мы нашли быстро. Ударом ноги я выбил дверь. Сидевший в коридоре охранник только и успел вскочить на ноги, после чего его затылок с глухим треском врезался в стену, а уже в следующее мгновение я ворвался в комнату, готовый ломать, крушить и стрелять.

Мой план только-только вошел в основную фазу и допустить, чтобы он провалился из-за каких-то паршивых английских воришек, этого нельзя было допустить.

Видно, неожиданность и оружие в моей руке сыграли свою роль, заставив на какие-то мгновения замереть всех троих мужчин, находящихся в комнате. Если двое продолжали смотреть на меня с нарастающим удивлением и страхом, то третий – плотно сбитый мужчина с пышными усами – видно, решил проверить мою реакцию. Его рука мягко скользнула к карману брюк, но уже в следующее мгновение застыла на полпути, стоило ему увидеть направленный на него ствол пистолета. Быстро окинул взглядом двух других англичан. Сидевший в кресле толстяк, полный, с отвисшими щеками на мясистом лице, чем-то напоминал бульдога.

«Точно. Английский бульдог».

Рядом с ним стояла его полная противоположность – худой английский джентльмен, с длинными черными усами, переходящими в короткую аккуратную бородку. В руках он держал большую папку в сафьяновом переплете. До этой секунды мне не довелось видеть подготовительные документы, но догадаться, что это были украденные у нас бумаги, было несложно.

– Ты их совсем запугал, Сергей. Разве так можно? Господа англичане могут плохо о нас подумать, – сказал небрежным тоном появившийся на пороге комнаты Пашутин. В руке он держал пистолет. – Это никуда не годится. Положение нужно срочно исправлять, а иначе союзники перестанут нас любить.

С этими словами он сделал несколько шагов, затем неожиданно и резко ударил британца, держащего в руках тетрадь, рукоятку пистолета по голове. Тот коротко вскрикнул и мешком завалился на пол.

– Вы тут что-то уронили, сэр! – с этими словами подполковник неторопливо наклонился и, подобрав тетрадь, быстро пролистал несколько страниц.

– Хм! Странно. Ни одного слова по-английски, только на русском и немецком языках, – задумчиво протянул он с недоуменным видом, но уже в следующую секунду резко повернулся к толстяку и зло рявкнул: – Говорить будешь, мистер?! Или тоже в лоб хочешь?!

Старший агент все еще никак не мог прийти в себя от неожиданного появления русских головорезов. Операция была хорошо спланирована и проведена на должном уровне. Ничто не предвещало провала, к тому же его люди заверили, что за ними не было слежки. Тогда, дьявол их раздери, что случилось?! Его судорожные попытки понять, что же все-таки произошло, были прерваны неожиданным вопросом на отличном английском языке. Надо было что-то срочно предпринимать, поэтому, изобразив гнев, он закричал:

– Это грубое насилие! Произвол! Это частная квартира! Я консультант английского посольства по продовольственным закупкам! Вы за это ответите! Я буду жаловаться!

Услышав эти вопли, Пашутин расплылся в улыбке, вот только радости в ней было столько, сколько в оскале хищного зверя.

– Почему-то я так и думал. Не может продовольственный агент интересоваться чужими секретами! Конечно, не может! Зачем ему это?! – в следующее мгновение улыбка исчезла, а дуло браунинга с силой уткнулось в лоб британцу. – Даю минуту. Расскажешь – будешь жить, не расскажешь... Короче, тебе выбирать.

Все было понятно и без перевода, стоило лишь посмотреть в полные злобы и страха глаза агента. Несколько секунд он молчал, потом что-то тихо сказал, напряженно-хриплым голосом.

– Говорит, стреляй, ничего не скажу. Хм! – перевел его ответ подполковник, после чего убрал пистолет. На лбу англичанина остался красный отпечаток дула, обрамленный каплями пота. Пашутин повернулся ко мне: – Может, ты попробуешь?

– Не выдержит. Умрет.

Подполковник перевел взгляд на второго англичанина. Какое-то время смотрел на него, затем что-то быстро спросил его по-английски. Получив ответ, разведчик с хитрецей посмотрел на меня и сказал:

- Говорит, что пришел к приятелю. Просто поговорить.
- Поговорить с ним?
- Чем черт не шутит. Давай.

Подойдя к пышноусому британцу, я обыскал его. Кроме маленького револьвера у него в карманах обнаружился кастет.

- Что, мистер, готов пострадать во имя Англии? – спросил я его, не рассчитывая на ответ.

Тот только начал что-то бормотать на английском, как в следующую секунду его тело свела судорога боли. Дыхание прервалось, глаза выпучились от непереносимой боли. Еще через несколько секунд агент скрутился на полу, хрипя от боли. Пашутин только хмыкнул при виде мучений британца, потом посмотрел на меня и сказал:

– Посмотри в спальне. Может, найдешь что-либо похожее на веревки, а я пока здесь пошарю.

Веревки не было, но их заменителем стали две простыни, которые я нарезал на длинные и широкие ленты и привязал ими «английского бульдога» к креслу. Пашутин тем временем занимался обыском в гостиной, вытаскивая ящики из шкафов и простукивая стенки. В стене за комодом ему удалось обнаружить секретную панель, из-за которой он извлек деньги, пару пистолетов и несколько блокнотов. Перелистав один из них, тихо присвистнул. Поймав мой взгляд, быстро сказал:

– Нам крупно повезло, – после чего взял портфель и сложил в него все найденные бумаги, документы и оружие, затем нагнулся над усатым агентом, уже пришедшим в себя, и спросил что-то по-английски.

Тот зло и хрипло ему ответил. Подполковник выпрямился и перевел мне его ответ:

- Говорит, что ничего не знает.
- И что дальше?
- Да черт с ними!

Потом разведчик отошел в сторону, какое-то время любовался багровым и мокрым от пота толстяком, привязанным к креслу, в окружении трех, лежащих на полу, связанных тел и вдруг неожиданно рассмеялся. Весело и заразительно. Я удивленно на него посмотрел:

- Чего тебя так разобрало?
- Да я уже давно мечтал дать хорошего пинка под зад заносчивым брита!

Чарльз Локкерт, уже три десятка лет служивший тайным целям Англии, не помнил подобного провала, а уж тем более не мог подумать, что подобное случится с ним самим. Он уже понял, что провалить их явку мог только агент Джон Богард, оставшийся в отеле. Только как они смогли выйти на опытного и не раз проверенного в деле разведчика? Что они с ним сделали, чтобы он заговорил? Или обошлись так жестоко, как сейчас с Эдвардом Райли?

«Скорее всего, так оно и было. Но что мне теперь сказать в Лондоне? Эти головорезы нашли мои записи. Список информаторов, денежную книгу, по которой им платились деньги, инструкции... Это не просто провал! Это настоящий разгром, после которого остается только один способ стереть позор – застрелиться!»

Кровь ударила британцу в голову. Виски заломило, перед глазами поплыли цветные пятна, а в ушах зашумело, но неожиданно раздавшийся смех привел его в чувство.

Наглый русский бандит смеялся, потом он похлопал по портфелю с бумагами и спросил на чистом английском языке:

– Как вам такое понравится, мистер?! Это будет очень большой дипломатический скандал! Не скоро вы, островитяне, отмоетесь от этой грязи! Ох, нескоро!

– Вы дикари. Тупые, грязные дикари, – старший агент даже не сказал, а устало процедил сквозь зубы эти ругательства. У него просто не было сил на проявление каких-либо эмоций,

и поэтому, чтобы подчеркнуть свое исключительное презрение к этим бандитам, он произнес эти слова по-русски.

– Вот как ты заговорил, брит! Интересно! Тогда кто вы в таком случае? Впрочем, можешь не отвечать, мне и так все понятно! Вы, просто наглые воры! Или ты так не считаешь, мистер?

Отрицать очевидное не было смысла, поэтому Локкерт только и оставалось, что изобразить всем своим видом презрение и надменность по отношению к наглым русским бандитам, хотя на душе у него бушевал самый настоящий шторм.

Выйдя из конспиративной квартиры английской разведки, мы шли, пока не увидели извозчика. Не успел кучер остановить лошадей у гостиницы, как из дверей с вещами вышли Татищев и Фонарин, после чего мы, со всеми мерами предосторожности, переехали в новый отель, расположенный в противоположной части города. За неделю, пока шли предварительные переговоры, мы меняли место жительства еще дважды.

Когда наш поезд отходил от станции, мне в глаза бросились остроконечные шпили с крестами какой-то церкви, и я вдруг подумал, что, пробыв почти две недели в столице другого государства, толком так ничего и не видел. Здесь, в Стокгольме, мне, наверно, много раз пришлось проходить мимо исторических мест и старинных соборов, имевших многовековую историю, но у меня на это просто не было времени, хотя бы потому, что его не было даже на нормальный, полноценный сон. Я был занят только тем, что следил, охранял, прятался.

Вместе с другими встречающими лицами на вокзале нас неожиданно встретил Мартынов, причем уже в звании генерал-майора.

– Господа, у меня для вас хорошие новости.

– Пока я вижу, что хорошие новости коснулись только самого господина Мартынова, – пробурчал несколько уязвленный неожиданным повышением своего приятеля Пашутин.

– Миша, я тебя не узнаю! Ты завидуешь?! – хитро улыбаясь, спросил его Мартынов.

– А ты как думал! Мне тоже хочется ничего не делать, сидя в генеральском кабинете и поплеывая в потолок!

– Думаю, господа, что всем нам теперь не скоро выпадет такое время! – посерьезнел лицом Мартынов. Увидев наши вопросительные взгляды, вдруг неожиданно предложил: – Знаете что, едемте прямо сейчас к Сергею Александровичу. Там я вам все расскажу.

– Ко мне? – несколько удивился я подобному предложению.

– К вам, так как у вас нам будет удобнее всего. И не волнуйтесь насчет продуктов, все, что надо, у меня здесь, в машине.

Мы переглянулись с Пашутиным. Что тут еще скажешь?

– Поехали!

Новости действительно оказались хорошими. Оказывается, когда мы сели в поезд, едущий в Стокгольм, в этот самый день, в Петербург, по вызову государя, прибыл Мартынов. Его предложения по изменению работы политического сыска настолько понравились царю, что в столице его ждало новое звание, а к нему – новая должность вице-директора департамента полиции.

– Новые инструкции и наставления уже прорабатываются специальным комитетом при Министерстве внутренних дел.

При этих словах я тяжело вздохнул. Мартынов сразу напрягся.

– Что-то не так, Сергей Александрович?

– Вы мне скажите, сколько времени пройдет, пока комитет все утвердит?

– Хм! Месяца три, я думаю... – протянул генерал-майор, но уже в следующую секунду на его лице появилось настороженное выражение. – Вы что-то знаете... Что-то должно произойти?! Да?!

– Скажу одно: у нас мало времени.

- К сожалению, не в моих силах ускорить подобную процедуру. Если только государь...
- Хорошо. Этот вопрос я решу сам. Слушаем вас дальше.

– Помимо инструкций и наставлений, как мне стало известно, юристами прорабатываются дополнения к ряду законов, направленных против деятельности политических движений, с целью ужесточения мер наказаний. Это вы к этому делу руку приложили, Сергей Александрович?

- Я. А мое предложение о частях особого назначения как-то решается?
- Ничего не могу сказать. Это не мое ведомство.
- Понятно.

«Нельзя каждый раз по любому делу обращаться к Романову, но и терять время нельзя. Нужны помощники. Чем больше, тем лучше».

– Сергей. Сергей, очнись! – словно сквозь вату донесся до меня голос Пашутина. – Ты что?

- Ничего. Задумался.

– Брось, Сергей! Выкладывай, что там у тебя на душе накопилось?! – не отставал от меня подполковник.

- Как ты думаешь, Миша, а не приобщить ли к нашему братству Александра Павловича?
- Вот ты о чем подумал, – усмехнулся тот. – Почему бы и нет?!

Доверительный разговор с Пашутиным состоялся у меня еще в Стокгольме. Я рассказал ему о своем «даре» и о видениях, которые привели меня к царю, но только в определенных рамках, касаясь общих изменений в России, но не личности самого царя и его семьи. Он мне поверил, но скажем так, на три четверти, так как по своему складу ума был циником и реалистом, а значит, интуитивно ставил под сомнение все то, что находил для себя непонятным.

– Александр Павлович, у меня есть сведения о том, что если прямо сейчас не заключить мир с Германией, то спустя какое-то время в Российской империи сложатся условия, при которых будет возможен военный переворот. Извините за невнятность фразы, но никакого другого объяснения пока дать не могу.

Мартынов какое-то время смотрел на меня. Он был прагматиком и смотрел реально на окружающий мир, так как благодаря своей работе знал, что движет людьми, знал низкие и высокие стороны человеческих душ. Причем не просто знал, а умел на них играть. Вот и сейчас он пытался понять, что движет мной. Зачем отставному поручику играть роль защитника России?

– Не понимаю я вас, Сергей Александрович. Ей-богу, не понимаю. Простите, буду откровенным. Вам-то какая корысть от этого?

- Думаю, со временем вы получите ответ на свой вопрос, но это произойдет не сегодня.

– Скажу честно, Сергей Александрович, я навел о вас кое-какие справки. Уж не обесудьте, натура у меня такая, да и работа обязывает – совать нос в чужие дела. Как оказалось, на вас уже собирали досье, которое почему-то оказалось в одном экземпляре, а потом таинственно исчезло. Документов, правда, не осталось, зато остались люди, которые их собирали, поэтому мне кое-что удалось узнать, но стоило начать складывать факты, как стало понятно, что слухи об ангеле-хранителе с железными крыльями появились не на пустом месте.

Он замолчал, глядя на меня испытующе: что скажете, господин Богуславский? Так как я молчал, Пашутин после этих слов оглядел нас обоих, словно видел впервые, и спросил:

- Я что-то пропустил, господа?

– Пустое, Миша. Просто слухи, – и я повернулся к Мартынову. – Это касается и вас, господин генерал. Теперь давайте вернемся к нашему вопросу. Не могли бы изложить свои соображения по поводу сепаратного мира, Александр Павлович, в свете мною сказанного.

– Сразу скажу: меня не радует мир с германцами, потому что я всегда считал, что начатая война должна идти до конца. До победы или до поражения! Теперь о возможной связи между

народными волнениями и сепаратным миром. Мне трудно представить бунты и мятежи, которые могут охватить всю Россию, даже исходя из большевистских книжечек, где пишется о диктатуре пролетариата и свержении монархии. Но это все только слова! У них нет той силы, которая сможет всколыхнуть всю матушку Россию. Просто нет! Заметьте! Все их лидеры, вместо того чтобы работать в России, подстрекая рабочих и крестьян к бунту, сидят за границей! Там же пишут свои статьи, там же издают газеты. Вот вся их деятельность. В свое время были народодовольцы, которые боролись с властью бомбой и револьвером, потом были боевые дружины, нападавшие на жандармов и городских. Так их больше нет. Они по большей части расформированы самими лидерами этих движений. Единственное, с чем я могу согласиться, то это с масштабными бунтами, подстрекаемыми агитаторами различных партий, так как экономическое положение в стране тяжелое и с каждым днем становится все хуже. Есть еще опасность мятежей в воинских частях, среди распропагандированных солдат и матросов. При этом, господа, подчеркну, подобное может произойти в различных губерниях Российской державы, но так, чтобы пламя всенародного бунта охватило всю империю... Извините, но в это мне трудно поверить.

– Теперь представьте себе, что весь ближайший год Россия будет терпеть неудачи на фронте. С транспортом, продуктами, горючим будет становиться все хуже, а цены на продукты и товары, а с ними людское недовольство, будут расти с каждым днем. Генералитет, придворные, а к ним еще добавить думские фракции и купечество, окончательно придут к мысли о смене царя. Голод, холод, развал власти ввергнут страну в хаос, пока не придет день, когда государя заставят отречься, а власть в руки возьмет Временное правительство, но так и не сумеет удержать ее в руках. Ее подхватят большевики, и... Россия zalьется кровью. Брат пойдѣт против брата, а сын против отца. Хаос, голод, разруха... Как вам такая картина, господин генерал?

Широко открыв глаза, Мартынов смотрел на меня, не отрывая взгляда, пока я говорил. В его глазах было недоверие, удивление и только где-то в самой глубине затаился страх.

– В ваших словах была такая убежденность, что даже я, считая себя прожженным циником, смог себе представить этот ужас. В таком случае, вот мой ответ на ваш вопрос: подобного нельзя допустить! Ни в коем случае!

– Что ж будем считать, что мы с вами пришли в этом вопросе к обоюдному согласию. Мир с Германией должен снять напряженность в обществе и не дать зайти политическим и гражданским противоречиям слишком далеко. Иначе говоря, мы выиграем время и собьем с толку наших политических противников.

– Сколько у нас времени?

– Полгода. Работать придется жестко, без сомнений и колебаний. Привыкайте, Александр Павлович, к своему новому девизу: «Кто не с нами, тот против нас!»

– Даже так? – покрутил головой новый вице-директор департамента полиции. – Вы так говорите, словно нам придется на врага в атаку идти.

Я усмехнулся:

– Время покажет, а теперь я набросаю вам в общих чертах план, который мы с Мишей придумали, после чего выслушаем ваше мнение.

Изложил я коротко, больше времени ушло у Мартынова на уточнения и замечания. Когда вопросы иссякли, я сказал:

– Теперь, господа офицеры, мне хотелось бы, чтобы вы составили списки лиц, которым можно было доверять и знать, что они сделают на совесть то, что им поручат. В большей степени это касается вас, Александр Павлович. Вам нужно собрать вокруг себя как можно больше проверенных и надежных людей.

Генерал кивнул головой, а Пашутин не удержался от шутки:

– Что, Сергей, настало время, как истинным царедворцам окружить себя нахлебниками и лизоблюдами?

– А ты как думал! Мне самому, что ли, перетаскивать мешки с деньгами домой из государственной казны?! – поддержал я его шутку. – Теперь у меня к вам будет еще один вопрос. На основе какого действующего департамента можно быстро создать контролирующее военные поставки ведомство? Это первое. Если в состав проверяющей комиссии войдет офицер-фронтовик, как это будет выглядеть? Это второе. Что еще? А! Вспомнил! До каких пределов можно расширить полномочия подобных комиссий?

Спустя месяц после этого разговора первая инспекция по контролю за качеством военных поставок отправилась на фабрику Бабрыкина. В ее состав вошли офицер – фронтовик, специалист-производственник, которым придали пару военных чиновников для надлежащего оформления бумаг, а также придания комиссии официального статуса. Состав членов сформировали в самый последний момент. Чиновники, не понимая, к чему такая срочность, метались как ошпаренные, так как новое руководство требовало от них моментального решения всех вопросов, связанных с отправкой инспекции.

Недоумевали не только чиновники, но и армейские генералы, которые никак не могли взять в толк, что делать боевому офицеру на фабриках и лабазах, но жесткие приказы с самого верха напрочь отбивали желание не только возражать, но даже интересоваться подобными вопросами.

Если раньше о подобных проверках владельцы заводов и фабрик заранее оповещались прикормленными чиновниками, то теперь комиссии возникали словно ниоткуда. Сначала на гнилой подкладке попался фабрикант – поставщик солдатских папах, а спустя пару недель – заводчик на собачьем мясе, которое добавлялось в выпускаемые его предприятиями мясные консервы. Если раньше все кончалось крупными взятками членам комиссии и небольшими штрафами, наложенными на предприятие, то теперь проворовавшимся промышленникам было предъявлено обвинение по статье о крупных хищениях государственных денег. Влиятельные знакомые обвиняемых фабрикантов в Петербурге только разводили руками, в то время как дорогие адвокаты составляли слезные прошения на имя его величества. Хотя дела не дошли до суда, но суммы штрафов, наложенные на мошенников, впечатлили фабрикантов и заводчиков настолько, что слова одного из богатых лесопромышленников: «Три-четыре таких штрафа, и я с протянутой рукой по миру пойду!» – стали популярными по России среди определенного круга людей. Если оба эти дела и привлекли внимание людей, то только промышленной элиты, зато третий случай прогремел на всю Российскую империю, сумев привлечь к себе внимание практически всех слоев общества.

Очередная комиссия, прибывшая на предприятие, которое занималось поставками сухарей в армию, вскрыла наугад один из полотняных мешков, приготовленных к отправке, и неожиданно обнаружила в нем червей. Владелец мукомольных заводов, государственный подрядчик Затокин только открыл рот для оправданий, как поручик Чердяев, две недели как прибывший с фронта, выхватил револьвер и с криком: «Предатель! Солдаты за тебя жизни кладут на фронте, а ты, сволочь, сидишь тут в тылу...» – всадил ему две пули в живот. Пока все в испуге и страхе смотрели на офицера, тот подошел к корчащемуся от дикой боли купцу, плюнул ему в лицо, затем спокойно засунул наган в кобуру и стал дожидаться приезда полиции.

За этим случаем пристально следила вся Россия. Либеральная общественность, газеты, народ – все были на стороне поручика. Казалось, что все просто и ясно: офицер-патриот выстрелил в заживевшего и обнаглевшего от своей безнаказанности фабриканта, но речь сейчас шла уже не о судьбе конкретных людей, а о добре и зле, сошедшихся в поединке. Кто победит?

Не успел начаться всенародный сбор денег для найма Чердяеву лучшего адвоката, как вдруг приказом государя его освобождают из-под стражи, понижают в звании до подпоручика и переводят на Кавказский фронт. Газеты писали, что сотни людей встречали офицера у ворот тюрьмы, а затем провожали до вокзала ликующими криками, как истинного героя. Для многих людей неожиданное проявление царской милости, а что это так, поняли многие, стало лучом света, пробившимся сквозь мрачные тучи, висящие над головой. Этот случай многих заставил посмотреть с надеждой на императора, ведь простой народ до сих пор хранил в глубине своих сердец веру в царя-батюшку. Может, царь не отворачивался от народа? Словно в подтверждение этих надежд в газетах появляется речь Николая II, в которой было прямо сказано, что тот не потерпит предателей, которые подлю вонзают нож в спину русскому народу, в то время, когда тот изо всех сил борется с врагом. В этой речи были слова, которые особенно понравились простому народу: «Твердо уповаю на милость Божию, Мы ожидали от трудов заводчиков и промышленников блага и пользы для страны в это трудное время, но своими воровскими действиями некоторые из них подорвали Наше доверие. Да будет же всем ведомо, что Мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению нашей Царской воле, кем бы они ни были».

Газеты с этой речью расхватывались людьми так же, как в то время, когда в них печатались материалы о Брусиловском прорыве. Теперь, идя по улице или сидя в общественном транспорте, нередко можно было услышать подобные рассуждения и споры:

– Не верите?! Так в газете прямо указано: «кем бы они ни были»! Справедливость – она на всех одна! Государь так прямо и говорит!

Глава 3

Министры, депутаты, царедворцы уже давно разбились на группы, боровшиеся между собой за власть. Больше власти – больше денег. Займы и ссуды, получаемые под военные заказы, просто разворовывались. Крупные армейские поставки отдавались нечистым на руку подрядчикам, которые поставляли гнилье, не забывая при этом делиться прибылью со своими благодетелями. Спекуляция, взятки, банковские аферы, организации фальшивых фондов – все это достигло в России невероятных размеров, а положение в стране тем временем ухудшалось с каждым днем. Неудачи на фронте несли новое разочарование в народ. Перегруженная транспортная система то и дело выходила из строя, и как следствие – резкие перепады подвоза продовольствия, а за ним – рост цен. На заводах, работавших на оборону, начались забастовки, а в деревнях начали волноваться крестьяне, переживая из-за бессмысленной гибели своих сыновей и мужей в солдатской форме.

В это мрачное время у простых людей единственным огоньком, согревавшим их души, была только вера в Бога, и вдруг снова появилась надежда. Царь-батюшка! Он видит, что народу плохо. Он должен помочь! Вон как с фабрикантами-толстосумами разобрался! Словно в подтверждение народных помыслов газеты напечатали монарший указ о созыве всероссийского крестьянского съезда. В нем простыми и понятными для простого человека словами говорилось, что император хочет поговорить с крестьянами, хочет услышать от них самих об их бедах и нуждах. Простой народ, читая эти строки, ликовав в душе, зато оппозиция, которая до этого на всех углах кричала о реформах и лучшей жизни для народа, наоборот, ошарашенно примолкла, не понимая, что происходит.

Вслед за ними насторожилось окружение государя, не понимавшее, что происходит с императором: то ли блажь, то ли нечто большее, что ускользает от их внимания. Затем последовали попытки воззвать к здравому смыслу государя, убедить его, что заигрывания с народом только приведут к падению престижа русского самодержца, но когда они провалились, среди царедворцев началась тихая паника. Государь стал неуправляем! Даже доверенные люди, к чьему мнению император прежде нередко прислушивался, разводили руками, когда их спрашивали, что случилось с царем. После некоторых раздумий в ход пошел запасной вариант – были отправлены знатные «ходоки» к императрице, чтобы та повлияла на супруга, но и тут ничего не удалось сделать.

Александра Федоровна более мужа была подвержена мистике и поэтому полностью, до самой глубины души, уверовала в предназначение посланного им ангела-хранителя с железными крыльями. Именно из ее слов двор и ближайшее окружение Николая II наконец сумело сделать выводы и соединить редкие появления во дворце поручика в отставке со столь резкими, а главное совершенно непонятными, изменениями внутренней политики державы.

Поручик был вне круга интересов внимания царского окружения до этого времени по двум причинам. Во-первых, не соответствовал в глазах придворных и знати образу царского любимчика, а во-вторых, мало ли было в Зимнем дворце различных юродивых, «блаженных» и других предсказателей судьбы или будущего. Матрена-босоножка, Митя Козельский и другие, пока их всех не сменил Григорий Распутин. А теперь вместо него появился еще один юродивый, поручик Богуславский. «Ангел с железными крыльями». Растоптать его, смешать с грязью! При дворе поползли грязные сплетни о царском шуте Богуславском, но стоило их услышать Александре Федоровне, как вдруг некоторые придворные, ранее охотно принимаемые при дворе, теперь оказались в списках нежелательных визитеров. Царская опала мгновенно отрезвила императорское окружение, наконец заставив их понять, какую власть набрал над императорской четой «ангел-хранитель».

Если раньше до меня доносились отголоски грязных сплетен, распространяемых за моей спиной, то теперь меня заваливали визитными карточками и приглашениями на приемы, затем начались «случайные» встречи и разговоры по душам, а когда все это не сработало, ко мне стали приходить посредники с предложениями взаимовыгодного сотрудничества. Я проявил вежливость в отношении одного просителя, второго, третьего, а когда понял, что простых человеческих слов они не понимают, то уже четвертый просто вылетел из моей квартиры, словно пробка из бутылки шампанского. Но даже этого оказалось недостаточно. Меня продолжали осаждать, но только до того момента, когда я прилюдно оскорбил одного из назойливых просителей, оказавшегося дворянином и офицером в отставке. Оскорбленный, он вызвал меня на дуэль, а спустя сутки по столице пополз слух о том, что поручик Богуславский прострелил своему противнику плечо с хладнокровием и непринужденностью завязного бретера, после чего поток визитеров сразу иссяк.

Негибкий, неумный и жесткий человек – именно такая характеристика была дана мне в высших кругах столицы, которая скоро переросла в презрительную кличку «юродивый поручик». Затем по столице поползли слухи, что я слуга дьявола, и многие из бывших моих просителей стали вполне серьезно утверждать, что святостью от этого человека даже не пахнет, а скорее, наоборот, от него воняет серой. Правда, подобные заявления делались тихо, с глаза на глаз, а говорили при этом шепотом.

В течение месяца собирались выборные крестьянские представители со всех концов России. Для них в столице был забронирован ряд простых, непритязательных гостиниц, где их не только бесплатно поселили, но и кормили, а под проведение съезда организаторы отвели помещение Государственной Думы. В громадном зале, где раньше заседали депутаты, сейчас робко рассаживались крестьяне, с ощущением смутного страха косясь на лепные потолки и декоративную отделку стен. При этом все они старались выбрать себе места, как можно дальше от трибуны. В отличие от них, приглашенные на съезд представители оппозиционных блоков и партий занимали первые ряды, с покровительственной усмешкой косясь на притихших депутатов. Между ними своеобразной прослойкой стали журналисты, стремительно передвигающиеся туда-сюда по залу и терзающие своими не всегда понятными вопросами крестьян, вгоняя их в краску и смущение. Кроме них в зале присутствовали кинооператоры, которые расположили свою громоздкую аппаратуру в центральном проходе. В отличие от своих суетливых и шумных коллег, они вели себя важно, с удовольствием ловя на себе благоговейные и уважительные взгляды простодушных селян.

Легкий шум, стоявший в зале, мгновенно смолк, когда появился император. Тишина, пока он произносил приветственную речь, стояла такая, что казалось, запищит комар, его будет слышно во всех концах громадного зала. Закончив свое выступление под шумные овации, государь попросил задавать ему вопросы. Сначала стояла тишина, прерываемая редким перешептыванием и толканием соседа в бок: чего молчишь? Ты же хотел высказаться, вот и говори. В передних рядах уже стали слышны смешки, когда, наконец, один из представителей крестьян, набравшись смелости, не начал говорить. Стоило только ему получить свои ответы, как будто лавина с гор, со всех сторон зала посыпались вопросы и жалобы осмелевших крестьян, которые поняли, что их здесь действительно выслушают.

Сидя в зале, я с невольным уважением отметил, что император довольно прилично разбирается в сельской жизни, видах на урожай и прочих других вопросах, смысл которых мне был недоступен. Около четырех часов император отвечал на вопросы, одновременно с этим по рядам ходили специальные люди и принимали у депутатов жалобы и прошения, написанные на бумаге, при этом делая пометки, от какой сельской общины или деревни она подана. Второй день и половину третьего дня с крестьянами работала комиссия по уже поданным ранее жалобам и пожеланиям крестьян. В самом конце работы съезда снова приехал государь. Крестьяне,

в отличие от первого дня, приветствовали его не просто шумно и радостно, а с каким-то благоговейным восторгом. Он их понимал, и они это чувствовали. После того как восторженные крики стихли, царь сделал несколько шагов вперед и неожиданно для всех присутствующих громко спросил:

– Крестьяне, соль земли русской, вы хотите мира и земли?! Желаете, чтобы в семьи вернулись сыновья и мужья, ушедшие на фронт?! Это так?!

Секунду-две стояла тишина, а потом крестьяне, вскочив со своих мест, сначала вразнобой, а потом начали вместе скандировать:

– Желаем, государь!!

Когда крики стали затихать, царь взмахнул рукой, и в одно мгновение в зале воцарилась тишина. Император простыми и ясными словами пообещал, что приложит для этого все свои силы, а в конце попросил делегатов еще немного потерпеть ради России. Когда крики восторга утихли, началась раздача памятных подарков, после чего состоялся торжественный молебен.

На следующий день жители столицы прочитали в газетах о восторге, с которым восприняли крестьяне Российской державы слова императора. Простой народ, читая об этом, не уставал повторять: «Вот он, какой наш император! Он не оставил нас своей милостью, как пришла трудная година! Воистину наш он, народный, царь!»

Удар по оппозиции был нанесен неожиданный и точный. Если раньше народ прислушивался к агитаторам, в надежде на лучшее будущее, то теперь он услышал о реформах и улучшениях жизни и быта крестьян, причем, что немаловажно, не из казенных документов, а из уст самого императора. Зато правящая верхушка государства, двор и министры, как и оппозиция, все они посчитали крестьянский съезд дурным влиянием на государя поручика Богуславского, который решил таким дешевым способом поднять имидж царя в народе. Так даже лучше, решили они, ведь свои обещания еще выполнить нужно, а кто их будет претворять в жизнь? Точно не мы. Когда подобное случится, до народа еще быстрее дойдет, что трон занимает слабый и никчемный правитель, которого нужно сменить. Такого же мнения держались в верховных кругах во Франции, Англии и Америке, за исключением германского кайзера, который понимал, что действия российского императора диктуются, скорее всего, предсказаниями оракула. Не успели затихнуть все эти разговоры, как в газетах появилось сообщение о встрече императора с рабочими столицы. Теперь вслед за землевладельцами заволновались промышленники, а заводские и фабричные районы столицы пришли в крайнее возбуждение, готовясь к встрече с государем.

По сравнению с крестьянством, рабочие представляли собой более тяжелый материал для прямого разговора, поэтому мы решили его разбавить выступлениями князя Шаховского, министра торговли и промышленности и нескольких депутатов Думы. К тому же надо было определить и обеспечить дополнительные меры безопасности, так как среди рабочих вполне могли затесаться неадекватные личности, которые могли бы попытаться покончить с самодержавием в лице Николая II.

Эта встреча состоялась в том же большом зале Думы. После короткой приветственной встречи государя начали выступать рабочие, которые, в отличие от крестьян, намного меньше робели перед императором, поэтому жалобы и предложения нередко перемежались жесткими и иной раз высказанными в ультимативной форме требованиями рабочих активистов. Царю пришлось выслушать немало упреков со стороны рабочих, но, несмотря на несколько напряженную атмосферу, диалог между властью и рабочими прошел сравнительно мирно. В этом немало помогли спокойствие и сдержанность правителя России, к тому же у государя было особое умение слушать. В его молчании собеседники чувствовали неподдельное внимание, сочувствие и поддержку, что помогло в немалой степени успокоить возбужденных людей. В конце собрания государь встал, и в зале воцарилась тишина.

– Я выслушал вас, ваши жалобы и чаяния, а теперь прошу выслушать меня! – И в течение получаса он, кратко и понятно, изложил то, над чем работали специалисты целый месяц. В его короткой речи не было общих слов и пустых обещаний, зато прозвучали конкретные предложения по облегчению труда рабочих. В основу легло сокращение обычного рабочего дня на производстве на два часа, а в субботу – на три часа. Перечислялись и социальные льготы. В конце своей речи он сказал:

– Многое из этих положений было узаконено ранее, но если ранее они так и оставались на бумаге, то теперь так не будет! Это я вам обещаю!

После его последних слов воцарилась просто неестественная тишина. Люди просто не могли поверить, что их основные просьбы и требования будут удовлетворены, но только стоило им понять, что это было подтверждено прямо сейчас самим императором, как зал взорвался радостными криками.

Только успели по стране разлететься радостные вести, как вслед за ними по городу поползли страшные слухи: на царя совершено покушение! Что с царем?! Он жив, ранен?! Кто поднял руку на Божьего помазанника?! Ведь многих простых людей, которые уже начали считать, что стоит немного потерпеть, и жизнь наладится, эта весть поразила их, словно это был удар ножа. Напуганные и встревоженные люди кинулись к близким и соседям, пытаются понять: где правда, а где ложь? Запутавшись в слухах и предположениях, полные тревоги и сомнений, люди только начали стекаться к царскому дворцу в поисках правды, как пронесся новый слух: покушение было, но царь-батюшка только ранен. Собравшаяся у дворцовых ворот громадная толпа тихо гудела, в ожидании, что им скажут. Спустя какое-то время к ним вышел гвардейский офицер и подтвердил слухи о ранении царя, при этом добавив, что ранение легкое и его жизни ничего не угрожает, после чего попросил разойтись.

Весть о покушении на жизнь императора и его легком ранении почти мгновенно облетела всю страну. В столице, в связи с покушением на государя, были введены особые меры. На вокзалах, площадях и перекрестках появились усиленные полицейские и жандармские, как пешие, так и конные, наряды. Все выезды и въезды в город были перекрыты войсками.

Хозяином кабинета, в который провели жандармского подполковника Мерзлякина, оказался сорока пяти – пятидесяти лет генерал-майор, со значком академии генерального штаба. Раньше им не приходилось встречаться, но судя по двум боевым орденам из пяти наград, висящих на груди генерала, отметил жандарм, что их обладателю приходилось бывать на полях сражений. Холодный взгляд, которым тот встретил жандармского полковника, был хорошо тому известен. Он уже не раз за свою службу сталкивался с пренебрежительным и в какой-то мере брезгливым отношением со стороны кадровых военных, поэтому обычно подобные взгляды жандарма не задевали, но сейчас в нем вдруг вспыхнула злость.

«Чистоплюй! Сидит здесь и распоряжения подмахивает! Как до дела дошло, так ко мне прибежал, а сам-то ручки боится замарать! Помогите, дескать! Так я не гордый, помогу, потому, как ты деньги мне стоящие даешь».

Подполковник бросил короткий взгляд на сидевшего в кресле, уже знакомого ему генерала Обнина Илью Давыдовича. На его погонах были императорские вензеля, говорившие о том, что тот принадлежит к свите его величества. Именно Обнин вовлек его в тайное общество, когда заговорщикам понадобилось выйти на боевую группу революционеров или анархистов. Подполковник сделал несколько шагов и вытянулся:

– Ваше превосходительство!

Хозяин кабинета резко поднялся со своего места и коротко махнул рукой, прерывая полковника.

– Отставим чины, Андрей Валерьянович! Обращайтесь ко мне просто: Сергей Андреевич. Присаживайтесь. С Обниным, вы уже знакомы. Курите?

– Никак нет, ваше прево... гм... Сергей Андреевич.

– Тогда не будем терять времени, господа. Андрей Валерьянович, вы приглашены для осуществления плана, который должен способствовать спасению России. Нам стало доподлинно известно, что император через генерал-адъютанта Татищева, втайне от всех, ведет переговоры с Германией. Судя по поступившим на днях от наших союзников сведениям, предварительные переговоры прошли успешно, а значит, официальное заключение мира дело полутора-двух месяцев.

– Извините меня! Но я правильно понял вас?! Сам государь решил заключить мир с германцами?! Это как-то... Гм!

– Понимаю вас. Когда сам услышал эту новость, долго не мог прийти в себя. Это предательство по отношению к погибшим на войне, к их семьям, к раненым и увечным солдатам и офицерам! – он вдруг замолчал и, судя по плотно сжатым губам и желвакам на скулах, сейчас старался взять себя в руки. – Извините. Не сдержался. Так вот, мы рассматриваем два возможных пути. Думаю, вы уже знаете о появлении возле царя нового советника, некоего господина Богуславского. Все, что сейчас идет от государя – его рук дело, вот только как он получил такое влияние на царя, никто не знает. Мы поинтересовались его личностью, но все те сведения, что собрали о нем, слишком противоречивы и запутаны. Может быть, с вашей спецификой работы вы лучше разберетесь с этим Богуславским. Впрочем, судите сами. Боевой офицер, который после тяжелого ранения потерял память и был отправлен в отставку. По определению врачей – инвалид до конца жизни, и вдруг каким-то чудом он излечивается. Сам по себе большой физической силы человек зачем-то начинает заниматься силовой гимнастикой, какой-то борьбой и стрельбой в тире. Не пьет, не курит, не играет в карты. Публичные дома не посещает. Нами получены сведения, что Богуславский специально поехал на германский фронт, чтобы отомстить за надругательства над его сестрой. Также известно, уже из надежных источников, что именно он помог полиции раскрыть два уголовных дела, связанных с убийствами. К царю попал через Распутина, который затем уехал в Тобольск. Выглядит это так, словно он освободил Богуславскому свое место возле трона государя. Это все, что мы о нем знаем. Есть вопросы?

– У него есть приятели? Любимая женщина?

– Из близких знакомых отмечен только подполковник Пашутин Михаил Антонович. Из разведки. Изредка встречаются.

– Ни приятелей, ни женщин, по ресторанам не ходит, в карты не играет. Аскет какой-то. Может, он из староверов... или сектант какой-нибудь. Впрочем, что гадать, его прощупать надо. Недели две за ним следом походить да соседей разговорить, глядишь, и поймем, чем этот господин дышит. Есть у меня парочка людей. Надежные. Проверенные. Проследят, лудишек расспросят. Как вы на это смотрите, Сергей Андреевич?

– Нет у нас столько времени! – сухо и зло бросил хозяин кабинета. – Нет!

Это была невольная реакция на противную и скользкую, по мнению генерала, полицейскую манеру говорить, но уже спустя минуту взял себя в руки и тихо сказал:

– Извините меня, Андрей Валерьянович. Нервы.

Жандарм не совсем понял вспышку генерала, но, тем не менее, отнес к той брезгливости, которую генерал к нему явно испытывал, при этом тщательно стараясь ее скрыть, но он уже справился с собой и теперь пытался понять, в чем будет состоять его работа, ради которой его пригласили в этот кабинет.

– Я вас понимаю, Сергей Андреевич. Такие новости, которые вы мне преподнесли, кого угодно заставят занервничать. Значит, нет у нас времени. Ладно. Тогда как вы предлагаете действовать?

– Богуславский – это прямое воздействие на царя. Вот только чем его можно привлечь? Тот вывод, что мы имеем, неутешителен: замкнут, в пороках не замечен. Нам кажется, что единственный способ на него как-то повлиять – это запугать, сломать его!

– Вы упомянули о его сестре. Где она сейчас? А родители?

– Как способ повлиять на него? Нет. Ничего не выйдет. Сестра в монастыре. Дала обет и на люди не выходит. Мать живет в имении под Тулой и здесь не бывает. Вы это хотели знать?

– Именно это, ну да бог с ними. Теперь о том, чтобы его сломать... Ведь мне про него и раньше слышать приходилось. Поручик Богуславский, он сейчас в столице фигура известная, а после того, как вы мне его описали, выскажу свое мнение: его надо убить!

– Это первое, о чем мы подумали, – раздался голос до этого молчащего Обнина, – но уж больно соблазнительно взять его на короткий поводок. Да что тут говорить, вы сами все прекрасно понимаете.

– Может, мы действительно все усложняем, – задумчиво проговорил генерал-майор, но тут же себе возразил: – Нет. Илья Давыдович прав. Мы должны попробовать! Ваши люди могут это сделать?

– Это не мои люди! Это шайка отпетых мерзавцев, без чести и совести, которая оказывает всякие грязные услуги тем, кто им платит.

– Думаю, это то, что нам надо! Но обязательно доведите до них: пусть не усердствуют! Не надо калечить! Если увидят, что не поддается на уговоры, пусть лучше сразу убьют. Насчет денег можете сразу им передать: сделают работу – получают вдвойне! Теперь перейдем к основному делу, ради которого мы здесь собрались. Андрей Валерьянович, надо найти группу боевиков для покушения... на царя! Мои слова вас не приводят в ужас?

– Не смотрите на меня так пытливо, Сергей Андреевич. Мне всякое доводилось слышать, причем от самых разных людей. К тому же Илья Давыдович намекнул мне, в общих чертах, так что если бы у меня были какие-либо сомнения, то просто не пришел бы, но я здесь, сижу перед вами.

– Мне говорили о вас, как о прямом и практичном человеке, и ваши слова только что подтвердили это мнение. Я рад, Андрей Валерьянович, что мы в вас не ошиблись. Что ж, тогда перейдем к условиям нашей сделки. Мы со своей стороны готовы прямо сейчас положить пятьдесят тысяч золотом на указанный вами счет. Остальные сто пятьдесят тысяч вы получите в случае успешного окончания дела. Ведь именно такая сумма была обговорена вами с Ильей Давыдовичем. Так?

– Все правильно, Сергей Андреевич. Теперь, я так понимаю, моя очередь доложить об услуге, которую вы хотите получить за свои деньги. Вас моя прямота не шокирует?

Подполковник просто не смог удержаться, чтобы не подколоть генерала, несмотря на всю серьезность ситуации. Генерал оценил его выпад кривой усмешкой, скользнувшей по его губам.

– Продолжайте, Андрей Валерьянович.

– Два месяца тому назад у нас в разработке оказалась боевая группа некоего товарища Арона. На ее след вышли чисто случайно, что весьма удивительно при ее бурной и кровавой деятельности. Причина их неуловимости заключалась в следующем. Полиция ловила их как шайку грабителей и убийц, а на деле оказалось, что это боевая революционная дружина. У них своя, специфическая среда, и пока их ловили по воровским малинам, те отсиживались на явочных квартирах.

– Погодите! Вы сказали, что это грабители и убийцы?! Но как в таком случае они могут быть революционерами?!

– С вашего разрешения, я разьясню этот нюанс чуть позже. По нашим данным, их возглавляет Трофим Сидорович Степашин, убивший жену из ревности, после чего он был отправлен на каторгу, где сошелся с анархистами и стал идейным товарищем. Насколько нам стало известно, в его группе сейчас насчитывается девять человек. Четверо из этих висельников, как

и их главарь, прошли по уголовным делам, связанным с грабежами и убийствами. Один из членов его группы – женщина. Это вам, господа, рассказал для общего представления образа так называемых революционеров. На их след мы вышли совершенно недавно, а окончательно удостоверились в их деятельности, когда к ним из Москвы, для подкрепления, было направлено два боевика. За ними москвичи отправили «хвост», который и дал нам возможность окончательно понять, что собой представляет группа Арона. Теперь вернемся к вашему вопросу, Сергей Андреевич, – жандарм выдержал паузу, затем продолжил: – Если обобщить сведения полиции и наши, то за этой шайкой головорезов числятся налет на банк, взлом и ограбление ряда магазинов и лабазов, а также вымогательство денег у купцов. На двух из дел, в которых они, возможно, замешаны, лежит человеческая кровь. Охранника банка и сторожа одного из складов. Кроме этого, у нас есть подозрение, что именно они виновны в убийстве ротмистра Вольянова и городского Швенцова. Теперь смотрите, каков их расклад. Они отдают половину награбленного в свой центр, где украденные товары и продукты идут семьям товарищей, которые сейчас, по их терминологии, являются «узниками царизма». Партийные вожаки в курсе их дел, но закрывают на это глаза, потому что их уголовные преступления обеспечивают постоянный приток денег в партийную кассу. В то же время, я так мыслю, их специально держат особняком, чтобы в любой момент от них можно было откреститься. Очень удобная позиция. Уголовники и убийцы никак не вписываются в картину политической борьбы, а вот деньги, оружие и материальная помощь очень даже нужны в борьбе за светлое будущее России.

– Если за ними водится столько преступлений, так почему их сразу не взяли?!

– У нас в корпусе, как и везде в России, процветает либерализм, господа. Сначала надо связи выявить да доказательства собрать, и взять их надо не просто так, а на горячем. Уже поверьте мне, господа, это дело долгое и хлопотное. Пусть даже доведем дело до суда, так ведь нет, наша интеллигенция, так любящая играть в защитников свободы, равенства и братства, сразу начинает собирать деньги на адвокатов, которые в свою очередь выставляют их перед народом героями, борющимися за народные идеалы. Потом в газетах напишут кучу статей в поддержку этих товарищей, которые просто вынуждены так поступать. Их, видите ли, власть толкает на подобные подвиги! Извините, ради бога! Накипело!

– Не вы один такой, Андрей Валерьянович! Всех нас уже достала, извините за простоту слов, наша вялая и никчемная власть! России нужна сильная рука, способная взять за глотку весь этот сброд! Их вешать надо! Вешать, а не!.. Извините! – с минуту хозяин кабинета молчал, собираясь с мыслями, потом спросил: – Теперь вы мне скажите вот что: если они у вас под наблюдением, то как в таком случае их можно использовать?

– Они у меня под наблюдением. Понимаете? Лично у меня. В управлении о группе Арона ничего не знают, потому что мы не заносили их в нашу картотеку и пока, кроме нескольких докладов агентов наружного наблюдения, на них ничего нет, да и те лежат в папочке, которая находится в ящике моего стола.

– Погодите, но раз вы о них знаете, наружные агенты знают, значит, об этой банде если не знают, то наверняка догадываются другие сотрудники вашего управления! – не выдержав, вмешался в их разговор Обнин. – Не может быть, чтобы об этом знали только вы один!

– Вы правильно думаете, Илья Давыдович. Не я один. Есть пара агентов и мой доверенный офицер, но филеров я уже снял с наблюдения и перебросил на другую работу. Для них это привычное дело. Зато мой помощник – в курсе, но только немного, в пределах самого необходимого. Вы должны сами понимать, господа, что раскрываться перед ним в таких делах у меня нет ни малейшего резона. Его непосредственная работа – это связь с группой Арона через информатора. Вас такой расклад устраивает, господа?

– Если вы уверены в своем офицере, то устраивает, – согласился с ним генерал. – А какие у вас есть мысли по использованию этой, так называемой, боевой дружины?

– Скажу сразу: прямо ими управлять не могу, и вы это должны понимать, но я неплохо изучил Арона и думаю, что смогу его подтолкнуть в нужную нам сторону. Кратко поясню свою мысль. Арон просто помешан на славе великого революционера, о которой он страстно мечтает. Ему хочется всенародного признания! Хочет, чтобы его чествовали как великого героя! К чему я это вам все рассказываю, господа. Если ему подкинуть несложный план покушения на государя и дать все для его исполнения, то Арон из шкуры вылезет, но попробует его осуществить.

Пока хозяин кабинета, молча, обдумывал сказанное жандармом, в разговор снова вступил Обнин:

– Все хорошо, вот только уверенности нет и все из-за того, что приходится, в таком великом деле полагаться на немытое быдло!

Эти слова не понравились сразу обоим его собеседникам. Мерзлякину в этих словах показался упрек: деньги берешь, а хорошей, качественной работы не обещаешь. Хозяина кабинета они заставили снова сомневаться в лояльности жандарма.

«Наемник. Скользкий тип. Одно слово, жандарм. Ведь если что пойдет не так, этот иуда, из страха или жадности, продаст нас. Не задумываясь. М-м-м... Придется подумать о том, как его можно будет убрать».

Тяжелое молчание разорвал тот же Обнин, который, наверно, единственный не понял некой двусмысленности собственной фразы.

– Андрей Валерьянович, а когда начнут... гм... работать с Богуславским?

– Как прикажете. Здесь я только в качестве исполнителя.

– Не приbedняйтесь, Андрей Валерьянович, – неискренне возразил ему генерал-адъютант. – Впрочем, спорить не буду. Просто скажу, это вы сейчас так смотрите, а потом – раз! – и герой отечества! Такая мысль не приходила вам в голову?!

– Не приходила, потому как исхожу из реалий российских: от суммы и тюрьмы – не зарекайся!

– Годами вы вроде не стары, батенька, а уже скептицизма полны! – шутливо заметил Обнин.

– Работа у меня такая. Оптимизма не прибавляет, Илья Давыдович.

– Вы можете решить вопрос с Богуславским через пару дней? – задал уточняющий вопрос хозяин кабинета, которому надоела бессмысленность их пустого разговора.

– Думаю, через два-три дня, вы получите результат.

Рано утром я вышел из дому, отправляясь на тренировку. Мне нравилось именно это время суток, когда меньше суеты, сутолоки, городского шума, который уже через час захлестнет город и будет звучать в ушах навязчивой мелодией до глубокой ночи, а сейчас было слышно только шарканье метлы дворника, доносившееся откуда-то с улицы, да звонкий цокот копыт приближающегося экипажа. Остальные жильцы дома, люди зажиточные и по большей части пожилые, поднимались намного позже, поэтому меня несколько удивил автомобиль, стоящий рядом с подъездом. Водитель и два пассажира. Кого-то ждут, решил я, но уже в следующую секунду выяснилось, что они приехали по мою душу.

– Господин Богуславский, – окликнул меня пассажир с переднего сиденья. – Мы вас ждали.

– Я спешу. Изложите, что вы хотите, и как можно короче.

– Сергей Александрович, если вы спешите, то мы вас подвезем и заодно поговорим. Вы не против? – обратился ко мне худощавый, плечистый мужчина. У него были аккуратные пшеничного цвета усики, под стать его цвету волос. Светло-серый костюм, такого же оттенка шляпа на голове. Сначала я подумал, что у него какое-то малоподвижное лицо, но уже спустя несколько секунд понял, что он напряжен.

– Или говорите, в чем дело, или езжайте своей дорогой.

– Все же я постараюсь уговорить вас, господин Богуславский. – Его рука быстро скользнула под пиджак.

Нетрудно было догадаться, что я сейчас увижу. Как и ожидалось, спустя пару секунд на меня смотрел вороненый ствол револьвера. Звонко щелкнул взведенный курок. Я спокойно смотрел на бандита.

– Что дальше?

– Дальше вы сядете в машину, – криво усмехнулся белобрысый бандит, держа меня под прицелом.

Мне оставалось только пожать плечами и делать то, что мне приказывали, хотя бы потому, что с заднего сиденья на меня смотрел второй ствол. Не успел я сесть рядом с ним, как оружие, переместившись, уткнулось мне в левый бок. Его держал плотного сложения человек со слегка обрюзгшим лицом и выпяченными губами. Он был одет в черный костюм и такую же шляпу, из-под которой на плечи падали иссиня-черные, с сальным блеском, волосы. Лицо невыразительное. В глазах злорадство и издевка.

– Так что, прокатимся, Сергей Александрович? – со смешком спросил меня пассажир с переднего сиденья.

– Вы меня так хорошо упрашивали, что я не в силах отказаться, – усмехнулся я в ответ краешками губ.

– Пантюха, езжай, – приказал пассажир с переднего сиденья водителю, крепкому мужчине с массивной шеей и покатыми плечами. Тот, ни слова не говоря, вывел машину со двора и погнал по улице, увеличивая скорость. Моя охрана, находясь на улице, так и не сообразила, что их объект увозят в неизвестном направлении, а если и поняли, то автомобиль, набрав скорость, уже скрылся за углом. Когда бандитам стало понятно, что за ними погони нет, главарь повернулся ко мне и, с явным одобрением в голосе, сказал:

– Вы хорошо держитесь, господин Богуславский.

– Как мне вас называть?

– Я бы вам представился, но думаю, в это нет никакого смысла, но если хотите, можете звать меня Седым. Скажу только одно: я занимаюсь решением вопросов весьма деликатного свойства. Вот и к вам такой вопрос появился у некоего господина, который попросил меня помочь в удовлетворении его любопытства.

– Слушаю. Говорите.

– Не торопитесь так, господин Богуславский. Для нашей беседы необходима спокойная, умиротворяющая обстановка...

После этих слов водитель издевательски хрюкнул.

– Не обращайтесь на него внимания. Обделен хорошими манерами, зато как водитель просто незаменим.

На этом наш разговор закончился, а еще через пятнадцать минут мы остановились на окраине города, на пустыре. Впереди были кусты, за ними рос лес. В этих местах мне не приходилось бывать, но для чего меня привезли в такое глухое место, понять было нетрудно. Допросить и убить. Сейчас у меня был шанс, но стоило мне выйти из машины, он сразу исчезнет. Не успел ко мне с переднего сиденья развернуться главарь, как я опередил его:

– Извините, но когда волнуюсь, у меня страшный зуд в голове начинается. Это после ранения. Можно почесать голову?

– Ради бога! Но только без фокусов! – и он продемонстрировал револьвер.

Я неторопливо поднял руку к голове, благодаря чему локоть оказался сверху над пистолетом, сидящего рядом бандита.

– Так что у вас за вопрос ко мне, господин хороший? Задавайте! – И в этот самый миг я ударил левым локтем вниз, по руке с пистолетом, а правой рукой резко и сильно вlepил бело-

брысому главарю костяшками вторых фаланг согнутых пальцев между глазом и ухом. Почти одновременно с ударом левой рукой прижал к сиденью кисть с пистолетом сидящего рядом головореза и тут же кулаком правой сломал ему нос, а уже на отмашке ребром ладони нанес удар шоферу в основание черепа. Шейные позвонки бандита хрустнули, голова дернулась вперед и упала боком на руль. Бросил быстрый взгляд на убийцу, который сейчас держался за нос обеими руками.

– Поговорим?

Сверкнув бешеным взглядом, он попытался меня ударить, но, получив тычок в нервный узел, скрутился на сиденье и заверещал от боли. Открыв дверцу с его стороны, я сильным толчком выкинул его из машины, после чего бросил внимательный взгляд на главаря. Его невидящий взгляд смотрел в пустоту.

«Мертв», – решил я и вылез из автомобиля, держа наготове пистолет. Стоя возле бандита, корчащегося на земле, мне пришлось несколько минут выждать, пока тот не придет в себя.

– Отвечать! Кто, зачем и почему?

Его попытка отмолчаться стоила ему простреленного колена, после чего он, между воплями и стонами, стал рассказывать все, что знал. Но знал он, к моему сожалению, очень мало. Он и водитель работали тупыми исполнителями под руководством Седого, занимаясь для своих клиентов любой грязной работой: шантажом, вымогательством, пытками, не брезговали и убийствами. Особенно, когда за них хорошо платили.

– Значит, ничего не знаешь?

– Не знаю! Это все Седой! Он вел дела! Я делал только то, что мне приказывали! Христом заклинаю, пощадите!

– Слушай, ты мне надоел! – и я направил ствол пистолета ему в лицо.

– Погодите! Погодите! Вспомнил! Только пообещайте...

– Не торгуйся!

– Седой вчера с каким-то чином из жандармов встречался! Насчет вас! Точно!

– Фамилия! Адрес!

– Не знаю! Клянусь! Они на Фонтанке встретились. На мосту. Видел его один раз и то издали! Рожа такая мясистая!

– Описать сможешь?!

– Смогу! Только не стреляйте! Я жить хочу! Жить!

При этом его глаза забегали. По всему было видно, что он больше ничего не знал и сейчас только тянул время, чтобы придумать и соврать.

– Все хотят, но не все этого достойны, – менторским тоном произнес я и пустил ему пулю в голову.

Пистолет засунул в карман, решив выкинуть его по дороге, после чего принялся обыскивать трупы в попытке найти хоть какие-то объяснения моему похищению, а после бегло осмотрел машину. Револьверы, кастеты, два ножа, утяжеленная дубинка и несколько пакетиков с кокаином. Единственным предметом, представлявшим интерес, стал бумажник главаря. В нем было с десятков визитных карточек и две непонятные записки, причем одну из них явно писала женщина.

«Все! Это все на потом!» – с этой мыслью я бегом кинулся на поиски извозчика или ближайшей трамвайной остановки.

В определенный момент я должен был сам себе признаться, что коппо-дзюцу не просто вошла в мою жизнь, а срослась со мной, став ее неотъемлемой частью, и, наверно, тогда мое отношение к Окато выросло за рамки «мастер-ученик», несмотря на то, что вне занятий мы не общались. Я выказывал ему свое уважение и послушание почти как отцу, если, конечно, это слово могло подойти к жесткому, педантичному и скупому на эмоции японцу. К тому же все, что могло, уже случилось, а значит, какие-либо переживания не имели смысла, именно

поэтому покушение как-то само собой отошло на задний план и сейчас меня больше волновало, как я буду выглядеть в глазах мастера. Объяснять ему я ничего не стал, а просто в стандартных выражениях попросил простить меня за опоздание и уже по выражению глаз мастера понял, что сегодня полностью изопью чашу недовольства Окато.

После тренировки сделал анонимный звонок в полицейский участок и сообщил о трех трупах, а затем телефонировал на работу Пашутину, после чего мы договорились с ним встретиться.

Встреча состоялась в трактире «Дубок», куда в последний раз я заходил, чтобы найти там иуду Боткина. При виде меня губы Михаила сразу растянулись в веселой улыбке:

- Вид у тебя, Сергей, еще тот. Опять Окато над тобой измывался?
- Угу, – буркнул я, не желая вдаваться в подробности. – Слушать будешь?
- Рассказывай!

После того, как рассказал ему во всех подробностях о попытке похищения, я достал из кармана и передал подполковнику бумажник главара. Тот осмотрел все отделения, пересмотрел визитки, оглядел каждую денежную купюру, после чего приступил к запискам. Минут пять он потратил на каждый бумажный лоскуток, потом положил их в бумажник и покачал головой:

– Да-а! Шарада. Одну писала женщина, причем грамотная. Училась в каком-то пансионе. Смотри, какие заковыристые завитушки на заглавных буквах. Раз не забыла, значит, недавно закончила учебу. Молодая еще. Встреча в том же месте. В 19.00. Подписи нет. Мог бы предположить свидание, так нет! Заметь, нет ни инициалов, ни имени. Влюбленные женщины так не пишут. Чисто деловая записка, правда, написана кокетливым почерком. А вторая писулька, сам видел. Вообще несуразица! Теперь насчет личности Седого. Тут я думаю, мы быстро все узнаем и потянем ниточку, вот только боюсь, что не приведет она нас к тому жандарму. И последнее. Если бы они хотели тебя убить, Сергей, то сделали бы это еще во дворе дома, отсюда вывод: Седой хотел с тобой поговорить. Вот только, по чьему приказу, мы теперь можем лишь догадываться.

– Я это понял. Только поздно, – буркнул я недовольно. Впрочем, это недовольство касалось меня лично. Не смог правильно оценить вполне просчитываемую ситуацию.

– Для начала тебе надо срочно менять квартиру, пока новые незваные гости к тебе не пожаловали.

– Не спорю, надо.

– Есть у меня на примете одна симпатичная модисточка. Обожает крупных мужчин! Так...

– Нет. Если так обстоит дело, то мне лучше вернуться в свою старую гостиницу, тем более что она находится в двух шагах отсюда.

– Как прикажете, господин поручик, – дурашливым голосом, имитируя лакея, сказал Пашутин. – Со всем нашим удовольствием, только прикажите!

К моему удивлению, номер, в котором мне довелось жить раньше, оказался свободен. Знакомый коридорный, увидев меня, обрадовался как родному брату, впрочем, в не меньшей степени он обрадовался полтиннику, вложенному ему в руку, что сразу побудило его к действию: нам был предложен свежий чай с домашним вареньем и баранками. Отказавшись от предложения, я закрылся в комнате с Пашутиным.

– Что делать будем, Миша?

– Думаю, что те, кто прислал убийц, сильно испугались. Ведь они не знают, что бандиты могли рассказать тебе перед смертью, а значит, им сейчас любой ценой надо тебя убрать. Вот только почему именно ты, Сергей? Или это как-то связано с государем?

– Именно с ним, Миша. Думаю, что это была попытка добраться до него через меня. Ты прав, они сейчас в панике и поэтому в самое ближайшее время следует ждать от них новых решительных действий, причем направленных не только против меня.

Пашутин испытующе посмотрел на меня.

– Ты говоришь о покушение на государя?! Это кто ж на такое осмелится?

– Те, за чьей спиной стоит Франция и Англия, которым сепаратный мир – это нож у горла. Ты сам успел убедиться в этом, еще в Стокгольме. Для них это самый простой выход: убрать государя, а затем посадить на трон марионетку.

– Это государственная измена!

– Ты сам мне в свое время говорил, что у английского и французского послов в окружении царя есть много единомышленников. Так вот они, пока еще у власти, пойдут на самые крайние меры, лишь бы сорвать подписание сепаратного мира.

– Да-а... Так далеко зайти... Возможно, что ты можешь оказаться прав, хотя мне трудно в это поверить.

– В убийство государя?

– В измену людей, дававших присягу!

– Слушай, Миша, через восемь дней состоится крестьянский съезд, поэтому займись вплотную охраной государя. Насчет твоих полномочий я все решу. И еще. У меня есть план, но нужно твое участие.

– Слушаю. Говори.

– План называется «Ловля на живца».

– Так ты у нас еще и рыбак оказывается. Ну-ну. Рассказывай, не томи.

– Завтра я делаю вид, что тайно возвращаюсь домой, чтобы забрать, скажем, необходимые вещи и деньги.

– Я бы в это не поверил. Любой нормальный человек, боясь покушения на свою жизнь, спрятался бы во дворце, за тройным кольцом охраны или, вообще, сбежал из города.

– Судя по тому, что они подослали ко мне бандитов, они меня совсем не знают. К тому же, как ты сам говоришь, они готовы на все, лишь бы покончить со мной как можно быстрее. Так?

– Ну, так, только к чему ты клонишь?

– Думаю, если они обо мне хоть что-то знают, то в их представлении я должен выглядеть, как странный и замкнутый человек. По ресторанам и девкам не шляюсь, приемы не устраиваю, взятки и подношений не беру. К царю езжу редко и только по его вызову. Отсюда они сделают вывод: человек не от мира сего, как и все юродивые, и расставят своих людей во всех известных им местах. У тренировочного зала, у дворца, у квартиры. Это их шанс, и упускать его они не станут. Как тебе?

– Подтверждаю: по ресторанам и девкам не шляется, – с легким смешком заявил Пашутин. – Аскет. Пустынник. Ну, ладно, говори дальше, что придумал.

– Слушай...

На следующий день я приехал к своему дому на наемной пролетке и, заплатив извозчику вперед, приказал ждать, пока не вернусь. Бросая осторожные взгляды по сторонам, нырнул под арку, ведущую во двор, затем быстро огляделся и вошел в подъезд.

Поздоровавшись с консьержем, поинтересовался: не приходил ли кто ко мне? Получив отрицательный ответ, поднялся по лестнице в свою квартиру. Мои постоянные оглядывания и нарочито суетливые движения должны были сказать наблюдателю, что человек приехал по острой необходимости и, скорее всего, скоро покинет квартиру, что по нашему мнению должно заставить наших врагов начать действовать быстро и решительно. Выглядело это представление несколько наивно, но если исходить из торопливости и страха неизвестных врагов, то в их положении они должны были скорее рискнуть, чем затаиться.

«Ну, а если не придут, то хоть помоюсь толком, да во все свежее переоденусь, – с этой мыслью, усевшись в кресло в гостиной, стал ожидать незваных гостей. Не прошло и двадцати минут, как из прихожей раздались тихое лязганье и металлические щелчки. Если бы я действительно занимался сбором вещей в спальне, то вполне мог их и не услышать. Место, где можно

было спрятаться в квартире, было мной уже давным-давно определено – это была свободно висящая тяжелая и плотная штора в гостиной. Не успел я за ней спрятаться, как из прихожей послышались чьи-то легкие и осторожные шаги.

Два... нет, три человека вошли в комнату. Замерли, оглядываясь.

Вдруг из спальни раздался негромкий мужской голос:

– Там кто-то есть?

Мне не было видно незваных визитеров, но по легким звукам движений было нетрудно определить, что гости разом развернулись в сторону в голоса. Пора! Мягким осторожным движением отодвинул штору в сторону. Ко мне спиной стояли трое: женщина, кряжистый, крепкий мужчина и невысокого роста мужичок с узкими плечами. В руках у девушки был легкий браунинг, а у мужчины – наган.

Единственное, что невозможно было спланировать, так это бесшумность нашей операции, а вот она-то была нам нужна больше всего. У убийц наверняка был свой человек на улице, который должен был проконтролировать со стороны их работу, а значит, при удаче, мы могли взять его или проследить за ним, ухватившись за кончик ниточки, – размотать весь клубок.

В следующую секунду из спальни раздалась какие-то приглушенные звуки, потом что-то шумно упало и покатилося по полу. Убийцы напряглись и замерли, видимо не зная, что делать: врываться в спальню или дожидаться хозяина квартиры здесь, но я не оставил им выбора, неожиданно возникнув за их спиной. Сначала отправил в беспамятство мужчину с наганом, посчитав его главным исполнителем, а когда женщина уже начала поворачиваться ко мне, резким ударом выбил из ее рук оружие. Несмотря на неожиданность нападения и боль в руке, она показала свою неукротимость, попытавшись ударить мне растопыренными пальцами в глаза. Легко, словно на тренировке, перехватил ее запястье и резко вывернул руку, заведя ей за спину. Она терпела, сколько могла, но, не выдержав нарастающей боли, вскрикнула, и только тогда я ослабил хватку. Третий из их компании, благообразного вида мужичок, с самого начала схватки предпочел нейтралитет. Отскочив в сторону, он замер, всем своим видом старательно показывая, что не намерен оказывать ни малейшего сопротивления. Пегие сальные волосы, потертый пиджачок, невзрачное лицо. Из общего простого и непрезентабельного вида выбивались легкие теннисные туфли на прорезиненной подошве и хитро-цепкий взгляд жулика и вора.

«Уголовник».

В этот момент из спальни вышел Пашутин, держа в руке пистолет.

– Кто тут у нас? Так-с. Целых три злодея. Недурной улов для первой рыбалки. Сергей Александрович, ну как так можно обращаться с девушкой? – при этом он довольно усмехнулся. Я отпустил ее руку. Та резко выпрямилась и, осторожно потирая руку, окинула нас обоих гневно-презрительным взглядом. Она не была писаной красавицей, но, проходя мимо, любой мужчина обязательно остановил бы на ней взгляд. Симпатичное лицо, большие серые глаза, стройная фигура, вот только глаза... В них сквозила такая дикая злоба, что без следа растворяла то приятное впечатление, которое она производила, и я невольно подумал, что так может смотреть только дикий зверь, попавший в капкан.

Пашутин, быстро, но внимательно оглядел всех троих, а затем спросил:

– Сергей, этот громила как скоро очнется?

– Думаю, минут через пять.

Он кивнул мне головой, дескать, принял к сведению, после чего скомандовал:

– Вы оба! Сели за стол! И руки положить так, чтобы я их видел!

Мужичок сразу проделал все, что было сказано, после чего снова замер. Девушка, игнорируя приказ, окинула нас обоих испепеляющим взглядом, а затем громко, но при этом чувствовалось, как в ее голосе клокочет ярость, произнесла:

– Цепные псы самодержавия! Ненавижу вас! Ненавижу!

Она действительно нас ненавидела. Зло. Яростно. Казалось, еще секунда и она бросится на Пашутина. Разведчик усмехнулся, глядя ей прямо в глаза, и тихо сказал:

– Выполняй, что приказано, иначе... – он не договорил, но в его взгляде и тоне было нечто такое, темное и злобное, что не давало сомневаться в его, пусть даже недосказанных, словах. Не выдержав его взгляда, революционерка отвела глаза, а затем села, положив руки на стол. После сцены укрощения строптивой я подобрал с пола ее пистолет, затем обыскал и связал лежащего без памяти здоровяка. Когда вытаскивал у него из-за пояса второй пистолет, тот очнулся и, увидев меня, попытался вскочить, а когда не получилось, зло ощерился. Не обращая на его гримасы внимания, рывком вздернул его на ноги, подтащил к стулу и посадил, после чего встал за его спиной.

– Теперь все в сборе. Желания первым сделать добровольное признание ни у кого не возникло? – обратился к ним Пашутин. После минуты молчания, продолжил: – Желающих нет. Ладно. Теперь скажу вам неприятную вещь. Мы не полиция, а сами по себе, так что руки у нас законом не связаны.

– Бить будете? – хрипло поинтересовался мужичок, внимательно оглядывая нас обоих цепким взглядом.

– Нет. Пряниками покормим и отпустим, – съязвил я.

– Говорите не так. Гм. Действительно, не полиция, но и на жандармов не похожи. Так, чьи вы будете? – поинтересовался уголовник.

– А что ты хочешь узнать, шпынь каторжный? – спросил его с угрозой Пашутин.

– Насколько вы серьезные люди, хочу знать.

– Раз хочешь, – сказал, подходя к нему, подполковник, – значит... получишь.

Сильным ударом сбил уголовника со стула, после чего деловито, с размеренной жесткостью, стал избивать его ногами.

– Все! Все! Хватит! Вижу – серьезные люди! Мне с политическими не расклад в одной упряжке идти. Скажу как на духу! – когда Пашутин отступил на шаг, он спросил: – Так я сяду?

– Сиди, где сидишь, а то кровью скатерть испачкаешь!

– Как скажешь, начальник, – легко согласился мужичок, вытирая кровь тряпицей и морщась от боли. – Я домушник. Мое дело вскрыть дверь, так что тут я ни при делах.

– Кто нанял?

– Не нашего они закона, так что я перед своими чист, – и уголовник мотнул головой в сторону связанного детины. – Он. Мы с ним в свое время на пересылке познакомились.

– Как его звать?

– Афоня.

– Дурачком прикидываешься. Ладно. Поучу тебя еще немного.

Жесткий удар ноги по ребрам не только опрокинул сидевшего уголовника на бок, но и заставил взвыть от боли.

– Все! Хватит! – домушник начал приподниматься, как резко дернулся всем телом и застонал. – А-а-а! Начальник, ты мне ребра сломал. Как я...

– Наверно, не все, если так живо языком болтаешь? – ласково-угрожающим тоном спросил его Пашутин – Так ты попроси! Мне для доброго человека ничего не жалко.

– Афоня Хруст. Шел за ограбление плотницкой артели. У него на доверии людская касса была, так он с ней в бега подался. Теперь вишь, сицилистом заделался. Насчет дамочки ничего не скажу. Впервые вижу.

Пашутин бросил на меня вопросительный взгляд. В ответ я легонько кивнул головой, соглашаясь с ним. Уголовник – пустой номер, надо брать за других членов компании.

Афоня, несмотря на свой грозный вид, на поверку оказался слюнтявым трусом. Захлебываясь словами и кровью, он только начал говорить, но был остановлен Пашутиным:

– Спокойно и по порядку, Афоня!

– Предатель! Иуда! Подлец! – девушка, вскочив, сделала попытку кинуться на своего напарника, но я живо усадил ее на место.

– Мне дурно. Воды принесите, – вдруг неожиданно потребовала она. Я посмотрел на подполковника, в ответ тот пожал плечами, и я отправился на кухню. Не успела она взять стакан в руку, как вдруг с силой бросила его в лицо своему бывшему товарищу. Удар, пришедшийся по носу, заставил того сначала вскрикнуть от боли и неожиданности, а затем он попытался ударить девушку. Перехватив его руку, на несколько секунд я выпустил ее из поля зрения, на что, видимо, она и рассчитывала. Сделав вид, что пытается уклониться от удара, она сумела выхватить откуда-то из-под юбки маленький пистолет, но на этом ее удача, впрочем, как и наша, закончилась. Хотя мне удалось выхватить у нее из руки оружие, но она при этом все же успела нажать на спусковой крючок, и пуля разбила оконное стекло вдребезги. Операция провалилась. Тот, кто находился снаружи и контролировал ход операции, теперь был предупрежден.

– Что есть, то есть, – сказал я для Пашутина, у которого на лице появилось выражение, словно он прямо сейчас надкусил лимон, а затем поторопил товарища революционера. – Живее говори, парень.

– Как я уже говорил, приехали мы в Питер из Москвы, две недели тому назад. Нас, вместе с Лисой, прислали на усиление боевой группы Арона. Нас встретили, а после поселили на явочной квартире, а еще через пару дней от него пришел человек. Назвался товарищем Василием и сказал: пройдите проверку кровью, значит, примем. Дал оружие и патроны. Сегодня он приехал на извозчике и привез нас сюда.

– Куда должны были идти, если бы все получилось?

– Э-э... Об этом разговора не было. Товарищ Василий сказал, что заберет нас, – на какое-то время замолк, но когда новых вопросов не последовало, продолжил свой рассказ. – У дома нас высадили. Зашли мы во двор, а у подъезда стоит Пролаза. Мы с ним действительно когда-то на пересылке познакомились. Это... все.

Я бросил взгляд на уголовника, и что удивительно, особого испуга на его лице не было, хотя и на прямой лжи поймали.

– Начальник, не кипишуй! Объясню! Доволен будешь!

Я с сомнением покачал головой, но говорить ничего не стал. Еще придет его очередь.

– Что вы должны были сделать? – спросил его Пашутин.

– Ну, это... убить того, кто находится в квартире. Только я не собирался стрелять! Поверьте мне! Это Лиса, она фанатичка! Она все время...

– Заткнись! – потом повернул голову к Пашутину. – Миша, телефон у тебя за спиной. Телефонировать в управление.

После того, как жандармы, записав показания Афанасия Трешникова и забрав обоих боевиков, ушли, домушник попытался ухмыльнуться, но сразу охнул от боли в разбитом лице.

– Настроение поднялось? – зло поинтересовался у него недовольный нашим провалом Пашутин. – Так я тебе его враз опущу!

– Вижу, вы люди деловые, хотя и непонятно мне, какой масти, поэтому давайте так сделаем. Я вам кое-что шепну, без записи, а вы мне – волю даете. Договорились?

– Говори! Там видно будет!

– Мы в очко играли у Машки Портнихи, туда и появился фраерок. Его привел Венька Хлыст. Вот между ними и прозвучала кликуха Арон.

– Арон, говоришь. А Венька, значит, взял и просто так привел на малину фраера? – словно бы с ленивым равнодушием спросил Пашутин, но ощущение создалось такое, словно из мягкой лапы хищника вот-вот покажутся когти. Уголовник это почувствовал и сжался, инстинктивно прикрыв голову руками.

– Начальники, истинную правду говорю!

От его развязности не осталось и следа.

– Тот, кого привели, был товарищ Василий?!

– Не знаю, но он точно из блатных. Раньше никогда его не видел. Зуб даю! Зато Венька его точно знает!

– Представишь нам Хлыста и можешь идти на все четыре стороны!

– Выбора у меня, похоже, нет.

– Почему? Есть! – усмехнулся Пашутин. – Не согласишься, припишем тебя к революционерам-боевикам и закончишь ты свою жизнь на эшафоте.

– Ты чего, начальник?! Какая виселица?!

– Тебя, кстати, как зовут? Только по-человечески скажи, а не свою собачью кличку.

– Макар Савельич Пролазин.

– Ты, похоже, так и не понял, во что вляпался, Макар Пролазин. Те, для которых ты вскрыл дверь, замешаны в покушении на жизнь государя. Как тебе такой поворот?!

Лицо домушника мгновенно побледнело, а на лбу мелкими крапинками выступил пот.

– Нет. Нет! Чем хотите, поклянусь, но не умышлял я смертоубийства царя! Вы же сами все видели! – он оглядел нас округлившимися от страха глазами. – Сдам я вам Веньку! Сдам со всеми потрохами! Чтоб он сдох, паскуда! С него, висельника, спрашивайте, не с меня!

Глава 4

Искали мы Веньку Хлыста три дня, подключив к поиску всех полицейских, агентов, информаторов, перерыли все значные места города, но тот как в воду канул. Параллельно начались поиски, пока через архивы и картотеку политического сыска, группы Арона. Там ничего не нашлось. Ни самой группы, ни боевика под такой кличкой. Это могло показаться странным, если бы мы не знали о существовании офицера-жандарма, которому вполне по силам прикрыть их деятельность от постороннего внимания. Время уходило, поэтому мы передали Макара Пролазина полиции, с тем, чтобы они продолжали поиски Хлыста, а сами занялись охраной царя. К немалому удивлению государя, я настоял, чтобы лично сопровождать его во всех передвижениях по городу, а Пашутин, тем временем, занялся организацией императорской охраны. Хотя он постарался исключить всех лишних людей, знающих о маршрутах движения императора, избежать полностью утечки информации мы не могли, но о последней линии обороны, так шутливо звал Пашутин свою группу, которую составляли полтора десятка боевых офицеров-монархистов, никто не знал. Он их отобрал, как однажды выразился, по своему образу и подобию, и по его замыслу именно они должны были дополнить на наиболее уязвимых точках царских маршрутов выставляемую по пути следования государя охрану.

Только автомобиль, снизив скорость, стал поворачивать, как раздался бешеный стук копыт и на дорогу вылетела пролетка. В ней сидел жандармский полковник с дамой. Судя по громкому смеху, невнятным выкрикам и яркой шляпке, ее нетрудно было отнести к женщинам легкого поведения. Наверно, не одному человеку, кто их сейчас видел, пришла в голову одна и та же мысль: «Ишь как кучеряво гуляют!» – но уже в следующий миг извозчик натянул вожжи и остановил лошадей в десятке метров от автомобиля. Шофер притормозил, а два передовых казака из царского конвоя, наоборот, пришпорили лошадей, чтобы разобраться с гуляками, как вдруг в руке «шлюхи» оказался пистолет. Выстрелы, сделанные почти в упор, с расстояния нескольких метров, не дали промаха. Мир на какие-то мгновения замер, но прошла секунда, и он снова заполнился звуками, но не прежним гулом городского шума, а криками, стонами, командами и ругательствами, в которые диссонансом вписалось жалобное ржание случайно раненной лошади.

Полицейские, агенты и казаки конвоя только сейчас поняли, что это покушение на царя, как открыл огонь ряженный полковник и принялся стрелять в казаков конвоя, которые, оглябая автомобиль, сейчас неслись на пролетку, выхватывая оружие. Последним из бандитов к стрельбе присоединился кучер, выхвативший наган. Развернувшись на облучке, он вогнал пулю в городского, который еще только торопливо расстегивал кобуру. Вторым выстрелом был ранен филер, выскочивший из-за афишной тумбы.

Я уже был готов выскочить из автомобиля, но в этот момент снова выстрелила террористка, теперь уже метившая в шофера. Не попала, зато разнесла лобовое стекло вдребезги, и тогда я нажал на спусковой крючок. Пуля ударила женщину где-то под прищуренный глаз, в тот самый миг, когда она, держа обеими руками револьвер, целилась в шофера. Секунды растерянности прошли, и по пролетке уже стреляли со всех сторон, полицейские и казаки. Боевик, одетый жандармом, отстреляв все патроны и резко развернувшись к вознице, успел только крикнуть: «Гони!» – но уже в следующее мгновение, нелепо взмахнув руками, выпал из начавшей набирать скорость пролетки.

Частые хлопки выстрелов городских и филеров смешались с громкими и испуганными криками разбегавшихся во все стороны людей. Несколько конных полицейских и казаков, нахлестывая лошадей, кинулись за пролеткой в погоню. Где-то совсем рядом истерично, с надрывом закричала женщина. Развернувшись к шоферу, я только хотел ему крикнуть: «Гони впе-

ред!» – как снова раздалась выстрелы. На этот раз вылезти из машины мне помешал конвойный казак. Он почти притер свою лошадь к боку автомобиля, прикрывая ею и собой нас, и сейчас в кого-то стрелял, но в следующую секунду вскрикнул и ткнулся головой в гриву лошади, роняя папаху на брусчатку. Его лошадь, испуганно дернувшись, подалась вперед, освободив дверцу автомобиля. Только я успел распахнуть дверцу, как раздался взрыв. Словно чья-то невидимая рука подкинула автомобиль, заставив его подпрыгнуть. В звонкий треск разлетевшихся стекол резким диссонансом вписался металлический лязг и дребезжание. Страх, как ножом, полоснул по сердцу, и я резко обернулся назад. Государь имел бледный вид, но, на первый взгляд, казался живой и невредимый. Не удержав вдоха облегчения, я спросил:

– Вы как?!

– Как видите, еще живой, – тут он дотронулся до шеи сбоку, отнял руку, посмотрел. – Задело, но не сильно.

– Надо вас осмотреть, – с этими словами я выскочил из машины.

Стрельба уже закончилась. Глаза автоматически отпечатали в памяти картину побоища, устроенного боевиками. Несколько городских и агентов, стоявших у тел боевиков, лежащих на брусчатке. Молодой полицейский, стоящий на коленях и прижимавший руки к расплывшемуся темному пятну у себя на животе. В шаге от него лежало ничком тело человека в штатском. Судя по зажатому в руке нагану, это был филер. В нескольких шагах от него билась на земле и дико ржала раненая лошадь. Возле нее лежал, раскинув руки, мертвый казак с залитым кровью лицом. Рванув на себя заднюю дверцу, я наклонился к императору.

– Разрешите?

Тот убрал руку. Кусок стекла или осколок бомбы нанес глубокую царапину на шее, но артерии не были задеты.

– Ничего опасного. Просто зажмите рукой. Еще есть ранения?

– Плечо. Левое плечо.

Было не совсем хорошо видно, но пальцы быстро нащупали разрывы на одежде и липкость ткани в области плеча.

– Рука двигается? Кровь идет?

– Да, но боль только в движении.

– Едем во дворец!

Я закрыл заднюю дверцу и выпрямился. У машины уже стоял командир конвоя, подъесаул, и с нескрываемой тревогой посмотрел на меня.

– Легко ранен. Нужно быстро доставить во дворец, – тихо сказал я. – Как тут?

– Пятеро убиты, Сергей Александрович, а за шестым вдогонку пошли! – он пожал плечами. – Тут как бог даст.

– А живьем никого взять не смогли?

Подъесаул виновато отвел глаза.

План покушения на государя был почти безукоризненный. Все говорило о том, что его разрабатывали специалисты своего дела с учетом информации, полученной от предателя из окружения царя. Они учли все: действия казаков конвоя, полицейских и филеров. Нетрудно было понять, что задержка движения пролеткой была только первой частью плана покушения. Тройка боевиков должна были задержать движение автомобиля и отвлечь внимание охраны, после чего в действие вступала другая тройка боевиков. Двое из них, выхватив оружие, начали стрелять с обеих рук, почти сразу убив и ранив трех городских и агента в штатском. Под их прикрытием в дело вступил бомбист, который выхватил из саквояжа пакет, размахнулся... и вдруг получил пулю в спину от штабс-капитана Воронина, одного из отобранных Пашутиным телохранителей. Бомба, брошенная дрогнувшей рукой, летит и падает не у задней дверцы, рядом с императором, а левее, за багажником разворачивающейся машины. Осколки в двух десятках мест пробили автомобиль, разбив в дребезги заднее стекло, но основной удар принял

на себя казак царского конвоя, огибавший в эту секунду автомобиль со стороны багажника. Большая часть осколков – рубленых гвоздей – попала в него, буквально разодрав на части всадника и лошадь.

Из шести убийц в живых остался только один. Извозчик. Будучи раненым, он спрыгнул из пролетки на ходу и попытался скрыться во дворах, но был схвачен конными полицейскими. Боевик оказался крепким орешком и, несмотря на интенсивность допроса, спустя только час стал давать показания. Отряды захвата, получив адреса и проверив две явочные квартиры и подвал-мастерскую, где хранились запасы взрывчатки и изготавливались бомбы, вернулись с пустыми руками.

После прибытия раненого императора во дворец начался переполох, который вскоре утих, когда все узнали, что это легкие ранения и не представляют реальной угрозы для его жизни. Передав императора на руки лейб-медикам, я уточнил детали покушения у конвойных казаков, после чего поехал в жандармское управление. Мне хотелось поговорить с захваченным террористом.

Проезжая по городу, видел везде – на улицах и площадях – толпившихся людей с возбужденными и тревожными лицами. Слухи о покушении мгновенно разошлись и теперь множились, разрастаясь самыми невероятными подробностями. Это можно было понять из обрывков громких разговоров людей, высыпавших на улицы. Сейчас, когда император стал утверждаться в сознании людей как их защитник от всяческих бед и невзгод, сегодняшнее покушение еще больше утвердило их в мысли о царе, как о народном заступнике. Логика мышления людей была проста и незатейлива: царь-батюшка за простой народ стоит, не дает разным богатым помыкать и издеваться над ним, поэтому его и хотели со свету сжить! Слухи и догадки о врагах царя начали десятками плодиться и расходиться не только в столице, но и по всей стране. Сейчас людей это занимало намного больше, чем неутешительные сводки с фронтов, вздутые цены на продукты, перебои с керосином. Горожане рассчитывали узнать о подробностях из вечерних газет, но те почему-то ограничились только описанием самого покушения со слов очевидцев. Народ недоумевал. Подобная недосказанность постепенно стала превращаться в умах простых людей в какую-то страшную тайну.

– Не зря молчат! – говорили на улицах, рынках, в купеческих конторах и заводских цехах. – Говорят, известнейшие богатеи в этом замешаны! Поперек стал им царь-батюшка, вот и хотели извести его эти ироды. Ей-богу!

Сгустившееся над столицей напряжением ранним утром следующего дня разорвали пронзительные крики мальчишек – газетных разносчиков.

– Злодейский план сицилистов раскрыт!! Готовилось зверское убийство царской семьи!!

Такие крики заставляли горожан просто выхватывать газеты из рук продавцов, и уже спустя полчаса вся столица забурилась, ошеломленная невероятной, а от того еще более страшной, новостью, которую они узнали из газет. На улицах становилось все больше возбужденных людей. Они собирались в кучки и группы, спорили, обсуждали, ругались.

Одни нахмурив брови, сжимали кулаки, готовясь дать бой подлому врагу, другие раз за разом перечитывали статью, не понимая, как такое могло случиться, третьи, затаив страх в душе, понимали, что удар направлен против них. Тем временем телеграф разнес по всей России то, что напечатали газеты: революционеры не только готовили покушение на царя, но и на его семью.

События последних четырех месяцев, так или иначе, осторожно подводили умы людей к мысли об образе доброго царя-батюшки, благочестивого христианина, отца большой семьи. Так, оказывается, хотели не только его убить, но и его супругу с детьми! И кто?! Социалисты и революционеры! Простому человеку доказательств больше не требовалось, так как покушение на божьего помазанника уже состоялось. Враг был обозначен. Причем он не сидел за стенами дворцов, за высокими кованными воротами, охраняемыми стражей, а находился среди них, был

соседом и приятелем. Ваньки, Петьки, Машки! Они шли с ними на работу, сидели на лавочке, куря папироски, стояли в очереди за керосином, но при этом именно они рассказывали, какая без царя жизнь хорошая будет и, как теперь оказалось, этими подлыми речами они пытались народу глаза отвести, а сами точили ножи на деток царевых! Атмосфера в городе начала постепенно сгущаться, подобно тучам в грозовой день, а уже на следующий день ударил гром, предвещающая бурю, – в газетах появилось новое, сенсационное, сообщение.

– Полиция напала на след подлых убийц!! – снова заголосили на улицах мальчишки-газетчики. – Государевы сыщики нашли тайный дом сицилистов с бомбами!!

Что было самым удивительным в этих газетных сообщениях: в них был указан конкретный адрес этого дома. Может, кто и высказал сомнение, что, дескать, это неспроста сделано, но большинство людей просто приняли это к сведению, а кто-то решил посмотреть на логово царских убийц своими глазами. За короткое время в указанном месте собралось множество людей, глазам которых открылась картина настоящего штурма подпольной мастерской по изготовлению бомб. Охранка уже несколько дней тому назад получила от информаторов сведения об этом месте и уже собрались их брать, но отложили. Именно для такого момента.

Когда городовые и жандармы начали ломать дверь, изнутри вдруг раздались выстрелы. Один полицейский, закричав от боли, схватился за простреленное плечо, у второго лицо было в крови из-за щепок, отколотых пулями от двери. Разъяренные сопротивлением полицейские и жандармы чуть ли не вынесли двери, а затем ворвались в дом. Внутри глухо ударило несколько выстрелов. Народ, уже заряженный до предела злой, не находящей выхода, энергией, напряженно ждал развязки. Когда в доме наступила тишина, в тот же миг шум человеческой толпы, стоявшей на улице, стих. Такая напряженная, давящая тишина обычно бывает в природе перед грозой. Наконец, жандармы стали выводить с заломленными руками и окровавленными лицами разбойников и душегубов, под гневные крики толпы.

Вдруг среди злых выкриков раздался чей-то громкий голос:

– Люди добрые, смотрите!! Это же Серега Кимитин с нашего дома! Они с брательником все хаяли царя! А Мишки, брата его, здесь нет! Люди, я знаю, где он! Айда, за мной! Мы этого сицилиста живо в бараний рог скрутим!

Ответом ему стал рев возбужденной до предела толпы. Его призыв стал подобен спичке, брошенной в бензин, и мгновенно вспыхнувшее пламя гнева, охватив людей, подтолкнуло их к настоящему бунту. Неудачи на фронте, похоронок на родных и близких, дороговизна, нехватка товаров – все эти беды и несчастья подвели людей к последней черте, но до этого им не хватало конкретного врага, на которого можно обрушиться со всей своей неистовой силой. К тому же сейчас им показали истинное лицо чудовища, готового пролить кровь не только царской семьи, но и простых полицейских, а значит, готового убивать любого, кто идет против них, против революционных идей.

Толпа, набирая силу и ярость в своем единстве, сначала шла по улице, постепенно обрстая все новыми людьми, но, со временем уже перестав уместаться, стала растекаться по боковым улицам. Крики сливались в рев, народный бунт набирал силу, обрстая новыми вожаками, за которыми шли возбужденные и негодующие массы людей. Они вламывались в квартиры, доходные дома, общежития, вытаскивая, несмотря на пол и возраст, людей и начинали их избивать. Иногда это заканчивалось смертью, но чаще всего избитых подбрасывали к дверям полицейских участков с криками:

– Забирайте сицилиста! На царя-батюшку злоумышлял!

Хотя полицейские и жандармы были подняты по тревоге и выведены на улицы города, но при этом получили приказ не вмешиваться в расправы над социалистами, зато нещадно пресекать убийства, случаи воровства и мародерства. Народ, видя такое попустительство, еще более убеждался, что делает благое дело.

Нередко полиция получала ценные сведения, прямо с пылу, с жару. Примечателен был случай, когда перед жандармами, стоявшими на посту у центрального входа, группа мужчин под предводительством старухи вытолкнула двух сильно избитых молодых парней. Пока жандармы хлопали глазами, выступила вперед старуха:

– Вот Митька, христопродавец! И его дружок Петька Бакин! Они богопротивные слова на царя-батюшку говорили! Вот, служивые, возьмите! У них за стенкой еще много таких листов спрятано!

Жандарм, автоматически взявший сложенный лист, развернул его. Это была листовка, в которой говорилось о свержении самодержавия. Спустя пару часов на указанной квартире жандармами была найдена подпольная типография.

Когда в городах всплеск народных волнений стал стихать, охота на революционеров-агитаторов продолжилась в российских деревнях. Новости туда доходили намного позже, к тому же не сразу их воспринимали крестьяне, но когда из города к родственникам приезжал Петька или Мишка, то они первым делом рассказывали, как гоняли сицилистов, которые покушались на царя и его деточек. Зарезать их изверги хотели! На царя богоданного покушались! Крестьяне охали и ахали, слушали подобные рассказы, запивая их от избытка чувств самогоном, после чего шли «обществом» к активистам, вытаскивали их из домов, били до бесчувствия, после чего отливали водой, просили прощения, связывали и посылали нарочного в полицию.

Если бы покушения не было, его надо было придумать самому. Правда, к такому выводу я пришел, когда оно уже произошло. Дальше все пошло по ранее разработанному мною плану. Когда мне впервые пришлось изложить его Мартынову и Пашутину, жандарм и разведчик, посмотрели на меня так, словно видели впервые, затем Михаил присвистнул, а генерал покачал головой, но никто из них не торопился со своими высказываниями.

– Несколько цинично, господа? – поинтересовался я.

– Несколько – не то слово. Натравить людей... Даже не знаю, как тебе такая подлость в голову могла прийти, Сергей.

– Оправдываться не собираюсь. Скажу только одно: у нас нет времени, чтобы искать другой путь!

Если по Пашутину было видно, что мое предложение ему явно не по душе, то жандармский генерал оказался более практичен:

– Нелицеприятно, зато, как мне кажется, действенно. Если план сработает, то мы за три-четыре месяца очистим Россию от социалистической скверны, и, что самое главное – народ выступит против этого сброда вместе с нами.

Суть моей провокации заключалась в том, чтобы поставить народ перед выбором. Кто им дороже: царь-батюшка, заступник народный, или революционеры, подстрекающие их к кровавому бунту. Исконная вера в царя, помазанника Божьего, имела более глубокие, многовековые корни, пронизывающие все российское общество насквозь, а этим однозначно не могли похвастать революционеры. К тому же император, сумевший за полгода вернуть любовь русских людей и стать их кумиром, выиграл войну за сердца и умы русских людей, и теперь только осталось выпустить наружу народный гнев, копившийся последние два года, да направить его в нужную сторону. После того, как народ проявит себя в стихийных бунтах, полагалось начать всероссийскую масштабную операцию, с привлечением всех сил жандармерии, полиции и воинских гарнизонов, по выявлению, задержанию и аресту всякого рода социалистов и революционеров. Полученные жандармами права и полномочия, а также вышедший ряд законов, которые предельно ужесточали наказание за политическую деятельность, давали сыску отличную возможность искоренить любую подрывную деятельность внутри Российской державы.

Так оно и случилось. Под крики «За царя-батюшку!!» люди сами кинулись вырывать с корнем проросшие ростки революционного движения, а в последующие несколько дней волна

народного негодования прокатилась по всем крупным городам России. К сожалению, не обошлось без погромов и мародерства, но тут уж ничего нельзя было поделать.

За день до того, как народ узнал, кто их враг, во все жандармские управления России поступило секретное распоряжение – разрешение, подписанное министром внутренних дел, на любые действия против политических движений, которые представляли собой опасность для верховной власти и страны. Отдельным пунктом было сказано, что высокий чин, должность и звание не являются препятствием для задержания, ареста и ведения следствия, если к этому имелись веские причины.

Через день, как только схлынули народные волнения, в Главное жандармское управление были вызваны представители оппозиционных партий и блоков. Собранных в зале либералов поставили в известность, что домашние аресты остаются в прошлом, и теперь за порицание государственной власти им грозят более суровые меры. Жандарм – подполковник, услышав по окончании чтения новых положений издевательские реплики и смешки, понял, что его слова прошли мимо большинства ушей господ демократов, но, только провожая взглядом спины последних представителей, выходящих из зала, он позволил себе саркастическую ухмылку.

Видно, не поверив, что власть сможет решиться в отношении их на столь жестокие меры, на экстренное совещание уже на следующий день собралось полтора десятка членов прогрессивного блока. Не успели они осудить новые «кровожадные» законы царизма, как были арестованы и препровождены в жандармское управление. По пути следования горожане, видя, что везут конвоем людей, с ходу решили, что это поймали новых злодеев, умышлявших убить царя. Хватило одного крика: «Смотрите! Это они царя убить хотели!», чтобы народ пришел в волнение. Разлетевшиеся по городу слухи быстро собрали громадную толпу у управления жандармерии, куда привезли испуганных либералов. Сначала она только возмущенно гудела, но по мере того как росла и увеличивалась, люди смелели, и все сильнее становились крики:

– Сюда их давайте!! Сами с этими извергами разберемся!! На деток малых покушались, душегубы!! Мы их сами судить будем!!

Ротмистр Сакуров, в кабинет которого доставили задержанных оппозиционеров, подошел к окну, некоторое время наблюдал за разбушевавшейся толпой, после чего развернулся к либералам и неожиданно сказал:

– Знаете, господа, не буду я принимать к вам никаких мер. Идите с богом!

В воздухе повисло растерянное молчание, были только слышны за окном приглушенные крики разъяренной толпы. Только спустя минуту раздалась отдельные голоса, в которых явно звучал страх:

– Вы не посмеете, ротмистр! Нет, вы не можете так с нами поступить!

– Почему, господа? – и следователь сделал удивленное лицо. – Вы же заодно с народом! Вот я приглашаю всех вас объединиться в едином порыве с простыми русскими людьми! Они там вас уже заждались! Идите, господа, идите!

– Вы нас хотите убить руками этой черни?! У вас это не выйдет! Мы будем жаловаться государю!

– Сколько угодно, господа! – нагло усмехнулся ротмистр, стоя под большим портретом Николая II, висевшим над его рабочим столом. Нарисованные глаза государя России смотрели сверху на либеральную интеллигенцию зло, жестко и издевательски. Именно таким виделся испуганным господам либералам его взгляд. Только сейчас до них дошло, что все услышанное вчера являлось не пустой угрозой, как и предложение ротмистра выйти на улицу к разъяренной толпе не казалось уже издевательством. Ведь он может так сделать, читалось в затравленных взглядах. Жандарм с немалым удовлетворением какое-то время наблюдал за нарастающим страхом в глазах бывших депутатов Государственной Думы, а потом вдруг сказал:

– Если позволите, господа, я вам дам маленький совет.

– Мы слушаем вас! Говорите!

– Уезжайте подобра-поздорову из России. И дорогу сюда забудьте!
– Вы не смеете так говорить! Это произвол! Мы будем жаловаться!
– Мое дело сказать, ваше дело решать! На этом разговор закончен! У меня много работы!
Извольте выйти в коридор! – ротмистр подошел к двери, приоткрыв ее, подозвал командира конвоя. – Прапорщик! Эти господа свободны! Не препятствовать им!
– Слушаюсь, господин ротмистр! Гм! Только народ там собрался... Как бы чего не вышло!

Ротмистр усмехнулся:

– Ладно! Так и быть, осторожно выведите этих господ черным ходом.

После этого случая на вокзале Петербурга можно было нередко увидеть «спасителей России», уезжающих за границу.

Ситуации, подобные этой, сотнями происходили по всей России. Начиная от Москвы и крупных губернских городов и кончая уездными городками на границах России, везде шли обыски и аресты. Информация, накопленная за последние несколько месяцев слежки, подкрепленная рапортами филеров и информаторов, сейчас вся, без остатка, шла в дело. Жандармы и полицейские врывались в подпольные типографии, на заседания рабочих ячеек, в квартиры, служившие складами для листовок и оружия, в мастерские для изготовления бомб. Конвейер задержаний не останавливался ни на минуту, находясь в движении круглые сутки, и тут неожиданно выяснилось, что подавляющее большинство задержанных были не в курсе появления новых законов, ужесточивших наказания за политическую деятельность. Многие из арестованных, узнав об этом при задержании, по-другому начинали смотреть на свою роль в политическом движении, поэтому все чаще становились диалоги, проходящие в подобном ключе:

– Не страшайте меня попусту, господин следователь! За мои, как вы утверждаете, противоправные действия мне грозит, от силы, два года поселения! Уж я-то законы знаю!

– Знаешь? Ну-ну. Мы с тобой уже второй раз видимся, товарищ Василий. Или как будет правильнее, крестьянин села Атемар Саранского уезда Пензенской губернии Трофим Степанович Васильчиков. Я не ошибся?

– Не ошиблись, господин следователь.

– Первый раз за распространение листовок и сопротивление полиции ты был отправлен в Томскую губернию на поселение. На год. Так?

– Так. Вот только не пойму к чему вы все клоните?

– Сейчас все поймешь, Васильчиков. Видишь лежащую передо мной книгу? Молодец. Ты у нас грамотный, поэтому читай, что написано на обложке.

– Уголовное уложение. 1916 год, – автоматически прочитал название арестант.

– Теперь смотри, – следователь придвинул книгу и открыл ее на страницах, заложенных четвертушкой листа бумаги. – Подзаголовок. Государственные преступления. Вот твою статью я подчеркнул. Бери-бери! Читай!

При этих словах на лице следователя проступило неприкрытое торжество. Он смаковал этот момент, которого так долго ждал. Революционер, наоборот, растерялся при виде радости следователя. Он еще не понимал, что произошло, поэтому пока не испытывал никакого страха, а только растерянность и нарастающую тревогу. Все же он постарался не потерять лицо революционера, закаленного борьбой с псами царизма, и с натушной улыбкой спросил:

– Так теперь меня на поселение не на год, а на два отправят?

– Ты не разговаривай, а читай!

Арестант осторожно взял в руки том и пробежал глазами подчеркнутые карандашом строки. Раз, другой, все еще не веря своим глазам, и только когда окончательно понял, что ему грозит, растерянно посмотрел на следователя.

– Как тебе, Васильчиков, четыре года каторги?! В Нерченском остроге, вместе с ворами и убийцами?!

Внутри у подпольщика похолодело, но он все еще не мог поверить тому, что прямо сейчас прочитал. Положив книгу на край стола, он какое-то время собирался с духом.

– Вы не можете так со мной поступить, – при этом голос, несмотря на все его усилия, задрожал.

– Не только могу, но и сделаю. Уж поверь мне! Поселения для вас кончились, господа революционеры, остались только тюрьмы и каторги, причем меры наказания, извольте заметить, предусмотрены вплоть до виселицы.

Краем уха арестант слышал о новых законах, но мельком, и уж тем более не примерял их к себе. Ведь ему только двадцать шесть лет. Вся жизнь впереди, а стоило только представить себя в кандалах, среди воров и убийц...

«А Маша? Как она? Дождется ли? Ведь четыре года каторги. Да и вернусь ли я сам? Господи! Даже голова закружилась! За что такое жестокое наказание?»

– А почему четыре? Там написано от года до четырех лет... за призывы к насильственному изменению государственного строя. Почему вы ко мне такие строгости применяете, господин следователь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.